

No 41 (2019)

P.5

The scientific heritage

(Budapest, Hungary)

The journal is registered and published in Hungary.

The journal publishes scientific studies, reports and reports about achievements in different scientific fields. Journal is published in English, Hungarian, Polish, Russian, Ukrainian, German and French.

Articles are accepted each month. Frequency: 12 issues per year.

Format - A4

ISSN 9215 — 0365

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal

Edition of journal does not carry responsibility for the materials published in a journal. Sending the article to the editorial the author confirms it's uniqueness and takes full responsibility for possible consequences for breaking copyright laws

Chief editor: Biro Krisztian

Managing editor: Khavash Bernat

- Gridchina Olga - Ph.D., Head of the Department of Industrial Management and Logistics (Moscow, Russian Federation)
- Singula Aleksandra - Professor, Department of Organization and Management at the University of Zagreb (Zagreb, Croatia)
- Bogdanov Dmitrij - Ph.D., candidate of pedagogical sciences, managing the laboratory (Kiev, Ukraine)
- Chukurov Valeriy - Doctor of Biological Sciences, Head of the Department of Biochemistry of the Faculty of Physics, Mathematics and Natural Sciences (Minsk, Republic of Belarus)
- Torok Dezso - Doctor of Chemistry, professor, Head of the Department of Organic Chemistry (Budapest, Hungary)
- Filipiak Pawel - doctor of political sciences, pro-rector on a management by a property complex and to the public relations (Gdansk, Poland)
- Flater Karl - Doctor of legal sciences, managing the department of theory and history of the state and legal (Koln, Germany)
- Yakushev Vasilij - Candidate of engineering sciences, associate professor of department of higher mathematics (Moscow, Russian Federation)
- Bence Orban - Doctor of sociological sciences, professor of department of philosophy of religion and religious studies (Miskolc, Hungary)
- Feld Ella - Doctor of historical sciences, managing the department of historical informatics, scientific leader of Center of economic history historical faculty (Dresden, Germany)
- Owczarek Zbigniew - Doctor of philological sciences (Warsaw, Poland)
- Shashkov Oleg - Candidate of economic sciences, associate professor of department (St. Petersburg, Russian Federation)

«The scientific heritage»

Editorial board address: Budapest, Kossuth Lajos utca 84,1204

E-mail: public@tsh-journal.com

Web: www.tsh-journal.com

CONTENT

ART STUDIES

- Gerasimova V.**
SONGS CULTURE OF THE SHARAN MARI
(STATING THE QUESTION)..... 3
- Zhang Jiaohua**
INTONATION AND INTONATION: TERMINOLOGICAL
AND PHENOMENOLOGICAL ASPECTS 8

CULTUROLOGY

- Yumagulova V., Kalacheva E., Odintsova A.**
TO THE QUESTION OF REVIVAL OF TRADITIONAL
ARTISTIC CRAFTS OF RUSSIA ON THE EXAMPLE OF
COSTUME DESIGN 12

HISTORICAL AND ARCHEOLOGICAL SCIENCES

- Zolotnikova O.**
MYTHOLOGIES IN CONTACT: SYRO-PHOENICIAN
TRAITS IN HOMERIC ZEUS 16
- Ivanov L.**
RUSSIA IN THE CIVIL WAR: POWER AND SOCIAL
FORCES 24
- Skus O.**
FEATURES OF THE MYTHOLOGIZATION OF ANTI-
SOVIET ACTIVITY: THE HISTORY OF THE REPRESSED
S.E. BARVINSKY (USYK)..... 28
- Tyutyunnik V., Pirozhkov G.**
INTERNATIONAL NOBEL INFORMATION CENTRE'S
ARCHIVE OF NOBEL FAMILY AND NOBEL PRIZES
LAUREATES 31
- Tsapkov A., Piskunova E.**
THE UN REFORM IN THE FIELD OF PROTECTION OF
HUMAN RIGHTS..... 37

PHILOSOPHICAL SCIENCES

- Chernyak N.**
"NON-ALIBI" IN BEING AS A WORLDVIEW
PRINCIPLE..... 40

POLITICAL SCIENCES

- Kukhta V.**
CROSS-BORDER THREATS AS A NEGATIVE FACTOR
FOR THE IMPROVEMENT OF DEMOCRACY IN
TROPICAL AFRICA 42
- Khlopov O.**
EURASIAN ECONOMIC UNION NEW GEOPOLITICAL
OPPORTUNITIES AND CHALLENGES 44

SOCIAL SCIENCES

- Havryliuk A.**
SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL TOURISM CLUSTER OF
EDUCATION AND POPULARIZATION OF THE
INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE IN UKRAINE 49

ART STUDIES

ПЕСЕННАЯ КУЛЬТУРА ШАРАНСКИХМАРИ (ПОСТАНОВКА ВОПРОСА)

Герасимова В.О.

*преподаватель теоретических дисциплин
детской школы-искусств имени П. И. Чайковского
Йошкар-Ола
Республика Марий Эл
Россия*

SONGS CULTURE OF THE SHARAN MARI (STATING THE QUESTION)

Gerasimova V.

*teacher of theoretical discipline
of the baby school-art of the name P. I. Chaykovsky
Yoshkar-Ola
Republic Mari El
Russia*

Аннотация

Статья посвящена первым шагам по изучению фольклорного наследия одной из малочисленных групп мари на территории Республики Башкортостан.

Abstract

The Article is dedicated (devoted) to first step on studying a folklore of the heritage of one of the small groups mari in territory of Republics Bashkortostan.

Ключевые слова: восточные мари, свадебные и гостевые песни, многоголосие.

Keywords: east mari, wedding, the guest canto, the poliphony.

Данная работа – первое обращение к песенному фольклору одной из немногочисленных, но в то же время самобытных групп башкирских переселенцев, к творчеству шаранских мари.

Введение нами в научный оборот термина «Шаранские мари» обусловлено рядом обстоятельств, и в ряду основополагающих, кроме географического (территориального) их положения, мы отмечаем такую особенность песенного фольклора этой группы мари как многоголосие. Многоголосие, какое мы еще не встречали у других групп мари (и луговых, и восточных), многоголосие осознанное, не гетерафонное, столь свойственное другим этнографическим группам мари.

Сказать, что песенная (частично и инструментальная) культура восточных мари не исследована вовсе, было бы, наверно, не совсем корректным. Да, переселенцы башкирских земель исследованы не столь фундаментально, чем, скажем, елабужская группа восточных мари [3]. Но по части публикации песенно-инструментального наследия в целом башкирских мари картина более радужная. Эта работа была начата еще В. М. Васильевым в 1919 году [1] и продолжена в последующих его изданиях [2]. Более целенаправленную работу по публикации песен восточных мари мы видим уже в сборниках «Эрвел мари муро» К. А. Смирнова [7], «Марий калык муро» (составитель В. Ф. Коукаль) [5] и Д. М. Кульшетова [4]. Однако в указанных сборниках фигурировали преимущественно песни (частично и инструментальные наигрыши) лишь широкоизвестных исследователям (и луговомарийскому населению)

Мишкинского, Калтасинского, и менее известных Краснокамского и Бирского районов. Что же касается музыкального фольклора мари Шаранского, Дюртюлинских и других районов, то их фольклор (и словесный, и музыкальный) оставался вне поля зрения специалистов. Так, на сегодняшний день мы имеем всего лишь пять образцов песенного фольклора шаранских мари, опубликованных в вышеназванном сборнике К. Смирнова. Сказанное выше и послужило мотивом для включения в план экспедиционных работ кафедры татарской музыки и этномузыкологии Казанской государственной консерватории им. Н. Жиганова обследование мари-райских населенных пунктов Шаранского района Республики Башкортостан. Предпринятую кафедрой работу мы можем считать началом изучения и фольклора шаранских мари.

Задачей своей работы мы считаем – дать первоначальные сведения об этнографической группе шаранских мари и кратко охарактеризовать жанровый состав их песен.

1. Шаранский район образован в 1935 году. В составе района – 110 населенных пунктов, 14 сельских Советов. Районный центр – с. Шаран, находится в 201 км от г. Уфы. Площадь района составляет 1384 кв. км.

Район находится на западе республики, граничит с Бакалинским, Буздякским, Туймазинским районами, на западе – с Республикой Татарстан. По территории протекает река Сюнь.

Численность населения – 25,4 тыс. человек, среди них: татары (50,1%), мари (19,9%), русские – (12,2%), чувашаи (11,1%), башкиры (6,3%).

Марийские населенные пункты Шаранского района:

Сельские советы и населенные пункты

Акбарисовский с/с	Мичуринский с/с
1. Акбарисово (Акпарс)	1. Байгильдино
2. Биккулово	2. Еланчикбаш
3. Биктышево	3. Старочикеево
4. Мещерово	Нуревский с/с
5. Урсаево	1. Емметово
6. Уялово	2. Енахметово
7. Чупаево	Писаревский с/с
8. Шалтыкбашево	1. Новокнязево
9. Янгаулово (Усола)	2. Сакты

Около 20% населения Шаранского района составляют мари, всего же в этом районе их проживает более 5 тысяч человек. В районном центре проживает более 700 человек (13,25% населения села), причем их численность стабильно растет (в 1979 г. проживали 215, в 1989 г. – 548 человек). Шаранский район – ядро так называемой икско-сюньской культурно-географической группы восточных мари. В этом регионе мари проживают в окружении не

только башкирского, татарского и русского населения, как в других регионах, но и чувашского. Относительно крупными селами мари являются: Акбарисово (506 жителей), Енахметово (451), Емметово (412), Старотумбагушево (316) – всего в 23 населенных пунктах района.

2. Студентами и преподавателями Казанской консерватории собран интересный и достаточно полный материал, позволяющий сделать некоторые

предварительные выводы относительно материальной и духовной культуры шаранских мари, в том числе и их фольклорного наследия:

– язык шаранских мари, относимый лингвистами к так называемому икско-сюньскому диалекту восточных мари, сильно подвержен тюркскому влиянию. Это влияние настолько сильно, что татарский (башкирский) язык для многих представителей (особенно для старшего и частично среднего поколения) стал почти родным, то есть языком даже семейного общения. Здесь же нельзя не отметить и сильный сингармонизм гласной фонемы а – ä (айбät – хороший, добротный);

– мелодике песен шаранских мари свойственно широкое применение мелодических украшений – форшлаггов (одинарных, двойных и более), что также является результатом влияния тюркских исполнительских приемов;

– повседневная форма женской одежды (особенно людей старшего поколения) все еще сохраняет свою связь с древнемарийскими образцами, однако и здесь ощутимо влияние тюркской орнаментики;

– одно из примечательных жилищном строительстве (домов и иных построек) – сохранено

древнее предпочтительное отношение к глиняному с соломой раствору вместо пакли или мха (как у собратьев луговых, горных и некоторых других групп восточных мари). Некоторые жители (и специалисты-строители) это объясняют частично отсутствием в необходимом количестве мха, а с другой стороны – более надежным и долговечным по сравнению со мхом средством для утепления жилья.

3. результате предпринятых экспедиций к шаранским мари было выявлено активное функционирование в певческом репертуаре исполнителей старшего и среднего поколения многих семейно-бытовых песен – колыбельных, свадебных, похоронных и особенно гостевых.

Многолюдное исполнение (на что обращалось особое внимание при записи гостевых песен) было основной целью для выяснения наличия многоголосия среди шаранских мари, что было в свое время частично зафиксировано предыдущими фольклористами.

Наши экспедиции действительно зафиксировали образцы многоголосных песен, отнюдь не гетерафонных по своей сущности. Один из образцов таких песен:

Шкетын (Одна) *Коктын (Вдвоем)*

Чо - ды - раш - ке пу - ра - лы - мат, по - ла - ным по - га - лы - м.

Минь по - ла - ным по - га - лы - мат, а - те - мым те - мы - шым.

Писынрак (Оживленной)

Минь по - ла - ным по - га - лы - мат, а - те - мым те - мы - шым.

Чодырашке пуральымат, поланым погалым,
Минь поланым погалымат, атемьым темьшым.

Я вошла в лес, собрала калины.
Я калины набрала полное лукошко.

Второе, что хотелось бы кратко осветить здесь – это состояние жанров песенного фольклора исследуемых нами мари. Дело в том, что у исследуемых нами мари нам не удалось зафиксировать многие календарные песни, до последних десятилетий бытовавших у соседних групп восточных мари. Так, песни весенне-летнего цикла – песни праздника первой борозды (Агавайрем), покосные, жнивные – не помнят уже даже и пожилые жители этих

мест. Безусловно, причина этого ясна (и это понимают сами носители фольклорного наследия, жители деревень) – ушли из повседневной жизни сельчан те условия, которые и породили в свое время эти песни: пропашка первой борозды таким инвентарем как соха, ручная косьба или жатва серпом... Но, как уже указывалось выше, довольно полно сохранены семейно-бытовые песни – колыбельные, свадебные, похоронные и особенно гостевые. Вот один из образцов песни гостевого жанра:

♩ = 144

Чоды - раште кў - кўжō ок му - ро гын, ä - rä - mä - се шўш - пўк - лан...

ä - rä - mä - се шўш - пўк - лан, ай, ям у - ке.

Тарва - ныше у - на - на ок му - ро гын, сий пу - ал - ше - о - зья - лан...

сий пу - ал - ше о - зья - лан, ай, ям у - ке.

Чодыраште кўкўжō от муро гын,
Арамаште шўшпуклан, ай, ям уке.
Тарваньше уна ок муро гын,
Сий пуалше озьялан, ай, ям уке.

Коль в лесу кукушка не поет,
Соловью в чаще не весело.
Коль не споеет гость,
Хозяйке будет не весело.

В ходе экспедиции нами была предпринята также попытка выяснения «судеб» песенных образцов, ранее зафиксированных в тех населенных пунктах, в которых мы проводили свою экспедицию. Так, заинтересовались интересным типом

многоголосия, не совсем обычным и характерным для марийского мелоса. Вот он в записи К. А. Смирнова (записана в д. Акпарс – Акбарисово):

Эркын
Медленно. *♩ = 72*

Те - ни - - - е нал - ме - лай ший сор -
Те - ни - - - е йок - та - ры - ме шин -

ла - - - ем - же сō - рем ур - жа - жам...
ча - - - вў - де - мым - у - - мыр - мар -- деж - ше... -

сō - рем ур - - - - жа - жым
у - мыр мар - - - - деж - ше

тў - ре - дын, ай нўш - кем - же.
на - лыл - ден, ай йўр - йўр - жō.

Тение налме-лай ший сорлаемже
Сōрем уржажым...
Сōрем уржажым тўредын, ай, нўшкемже.
Тение йоктарыме шинчавўдемым
Умыр мардежше...
Умыр мардежше налылден, ай, йўр йўржō.

Купленный серебряный серп
На жнивье...
На жнивье да притупится.
Пролитые мною слезы
Теплым дождем...
Теплым дождем да польются.

Что интересно, наши информаторы, участвовавшие в наших записях, представленную приведенную выше песню «признали» не совсем: им она показалась «что-то где-то услышанной». И всего!

Другое. Нами были зафиксированы песни, варианты которых в 70-80-х годах прошлого столетия были записаны Д. М. Кулышетовым в деревне Енахметово:

Ваишкыде (♩ = 40)

Му - ре - нат - лай - му - ре - нат пик-шым шу - ым, йўк - сө ка - йы - кат...

Йўк - сө ка - йык тол - де - ат ом лў - ял.

Шу - ко де - чат шу - ко - лай му - тем у - ло, ыш - ке шоч - ше - мат...

Ыш - ке шоч - шем тол - де - лай ом ой - лал.

Муренат-лай, муренат пикшым шуым,
Йўксө кайыкат...
Йўксө кайык толдеат ом лўал.
Шуко дечат шуко-лай мутем уло,
Ышке шочшемат...
Ышке шочшемат толде-лай ом ойлал.

С песней строгал я лук,
Пока не прилетят...
Пока не прилетят лебеди, не выстрелю.
Слов накопилось много,
Пока не приедут...
Пока не приедут родные, не выскажу.

И еще одно, удивившее нас, наблюдение в песенной традиции исследуемых мари: напевы некоторых жанров, а также и тексты песен оказались песен поразительно близки к песенному фольклору не так уж и близких (и территориально, и, в целом, по мелодическим параметрам) елабужских мари. Таких параллелей шаранских мари мы не обнаружили ни в одной другой этнографической группе мари. К примеру, тексты лирической песни елабужских и шаранских переселенцев:

Имныжымат кичкет гынат, порыжым кичке,
Сапкыремжымат...
Сапкыремжым рўзалтен, кайше лийже.
Йолташыжым кучет гынат, порыжым кучо,
Ик шомакымат...
Ик шомакым каласен, колыштшо.

Имныжымат кичкет гын, порыжым кичке,
Сапкеремым шупшмаште...
Сапкеремым шупшмаште, ай, сак лийже.
Танжымат-лай кучет гын, порыжым кучо,
Шинча ончалмаште...
Шинча ончалмаште-лай, ай, сак лийже.

В переводе текстов – разница незначительна:

Если запряжешь коня, запряги хорошего,
Чтобы послушался, как заденешь вожжи.
Если подружисься, подружись с таким,
Чтобы с одного слова послушался тебя.

Если запряжешь коня, запряги хорошего,
Чтобы был чутким, как затронешь вожжи.
Если подружисься, подружись с таким,
Чтобы был чутким к взгляду (твоему).

И... все же что представляет собой ныне музыкальный фольклор шаранских (быть может, и всех башкирских) мари?

а. плохо сохранившийся «осколок» древнемарийского песенного наследия, принесенного на новые земли предками современных шаранских (башкирских) мари с мест коренных обитателей древних черемис?

б. вытеснивший из повседневного быта пришельцев песенный фольклор аборигенов этого края, тюрков (татар и башкир)?

Думается, ни одно из предположений не может быть принято за основу определения сущности современного музыкального фольклора исследуемых мари¹. Да, много в современном фольклоре башкирских мари тюркских заимствований – в лексике, тюркских влияний – в обилии мелизматических украшений и в иных сферах. Но современный музыкальный фольклор башкирских (и всех иных!) мари – это марийский фольклор, сформировавшийся в иных географических и национально-конфессиональных условиях, имеющий, тем не менее,

¹ Сказанное применимо не только к башкирским переселенцам. Оно в равной мере характеризует современное состояние фольклорного наследия почти всех этнографи-

ческих групп мари, волею судеб оказавшихся за пределами территории, откуда они эмигрировали на свои современные места обитания.

ярко выраженные (возможно, порой не столь выпукло проявившиеся) национальные интонации, поэтико-образный мир. Этот тезис должен быть принят как наиболее приемлемый и отражающий суть современного состояния духовной культуры всех переселенческих групп мари.

Таковы предварительные сведения по песенной культуре шаранских мари, в изучении которой пока что сделаны первые шаги.

Список литературы

1. Васильев В.М. Марий калык муро = Марийские народные песни. Казань, 1919.
2. Васильев В.М. Марий калык муро = Марийские народные песни. М., 1923; Марий калык муро. Чч. I и II. Йошкар-Ола, 1937; Марий калык муро Йошкар-Ола, 1991.

3. Герасимов О.М. «Элнет кундемын поянлыкше» («Сокровища стороны Элнет»), Йошкар-Ола, 1996 (в 1995 году по этой теме им защищена кандидатская диссертация); О.М. Герасимов и О.А. Третьяков «Курмызак олык» («Вальдшнеповы луга»), Йошкар-Ола, 2001.

4. Кульшетов Д.М. Чорай вел марий калык муро = Народные песни Чураевских мари. Йошкар-Ола, 1997.

5. Марий калык муро = Марийские народные песни. М.-Л., 1951.

6. Смирнов К.А. Эрвел марий муро = Песни восточных мари. Йошкар-Ола, 1951. В сборнике опубликованы пять песен Шаранских мари – №№ 26, 51, 52, 71, 81.

7. Сепеев Г.А. Восточные марийцы. Йошкар-Ола, 2005.

ИНТОНАЦИЯ И ИНТОНИРОВАНИЕ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Чжан Цзяохуа

Сумской государственной педагогической университет имени А.С. Макаренка, аспирант

INTONATION AND INTONATION: TERMINOLOGICAL AND PHENOMENOLOGICAL ASPECTS

Zhang Jiaohua

Sumy State Pedagogical University named after A.S. Makarenko, graduate student

Аннотация

В статье исследуются разносторонние научные взгляды понятий «интонация» и «интонирование» в контексте философии, лингвистики, психологии. Рассматриваются: авторское видение интонации и интонирования в качестве культурных феноменов; процесс их становления и развития в реалиях внешнего мира с учетом уникальности каждой отдельной эпохи.

Интонации и интонирование – феномены, которые в процессе развития человеческой истории стали: средством и способом выражения уникальной внутренней позиции и внутреннего мира человека, а также отношения к внешним историческим реалиям; механизмом обособления и идентификации во всех типах их проявлений; составной частью всех высших психических функций человека.

Abstract

The article examines the diverse scientific views of the concepts of «intonation» and «intonation» in the context of philosophy, linguistics, psychology. The following are considered: the author's vision of intonation and intonation as cultural phenomena; the process of their formation and development in the realities of the external world, taking into account the uniqueness of each individual era.

Intonation and intonation are phenomena that in the course of the development of human history have become: a means and a way of expressing a person's unique internal position and inner world, as well as their relationship to external historical realities; a mechanism of isolation and identification in all types of their manifestations; an integral part of all higher mental functions of man.

Ключевые слова: интонация, интонирование, искусство, гармония, ритм, тон, интонационная теория.

Keywords: intonation, intonation, art, harmony, rhythm, tone, intonation theory.

Если сейчас мы имеем возможность углубленно изучать феномены «интонация» и «интонирования», то в древние времена мыслители были первопроходцами в познании данных культурных феноменов. Так, обращаясь только к Платону, находим в его произведениях большое количество терминов, имеющих непосредственную связь с понятиями интонации и интонирования, которые появились через тысячелетия. Среди них: гармония,

искусство, ритм, тон и др. Во всех своих работах Платон обращался к их сущности.

Рассмотрим значение и смыслы некоторых из них. *Гармония.* В своих произведениях философ рассуждал о жизненной гармонии, размышлял о гармонии как о чем-то божественном, невидимое и бестелесное, писал о гармонии произведений художников, речей, звуков. Кроме этого, Платон рас-

смастривал гармонию как средство против расстрой-ства во взаимосвязях души и тела, как божественное и смертное движение, как сочетание гармонии с ритмом, как порядок в звуках.

Искусство. Суть искусства Платон описывал следующим образом: рассматривал его как нечто целое; выделял искусство творить образы, искусство творческое и приобретенное, разделял искусство музыкальное и ораторское (искусство красноречия), при этом, искусство красноречия понимал как умение захватывать душу словами. Философ считал, что искусство обладает «очистительным» влиянием; изобразительные способности человека объяснял как способность к подражанию; выделял виды искусства. При этом он замечал: искусство не делает человека мудрым и не имеет отношения к добродетели.

Ритм. Платон рассматривал ритм сам по себе, и в единстве с гармонией, считая, что ритм и гармония есть нечто бестелесное и божественное. Теоретические импликации ритма имеют фундаментальное значение, например, в современной театральной практике, где последний выступает как значимый фактор организации фабулы, развития сценических знаков и событий, производства смысла. Ритм имеет значение во всех видах искусства и в повседневном общении людей.

Тон – от греческого напряжение, ударение. В текстах находятся обсуждения Сократа с Протарха, где определяется, сколько бывает интервалов между высокими и низкими тонами, какие это интервалы и где их границы, сколько они образуют систем. Такие системные образования философы называли гармониями и призвали рассматривать их как единство ритма и меры; таким же образом они предлагали рассматривать любое единство и множественность [8, с. 14].

Таким образом, уже в трактатах IV века до н. э. можно встретить термины, тождественные по значению к рассматриваемым нами понятиям. Уже тогда, наука положила начало обозначению элементов внешних реалий, а также тех значений и смыслов, которые через века позволили более глубоко и ясно обсуждать значения и смыслы новых, гораздо более поздних по возникновению понятий «интонация» и «интонирование».

Исследование понятия «интонация» невозможно без рассмотрения понятия «интонирование». При этом, философские и художественные области толкуют эти культурные феномены по-разному. Известно, что термин «интонирование» происходит от глагольной формы последнего: интонировать – произносить (озвучивать) с определенной интонацией. Важно заметить, что использование указанных понятий не ограничивается только музыковедением, музыкальным искусством. Они связаны и с областями других видов искусств, прежде всего тех, которые относились к первоначальной синкретической форме культуры, которая включала пластику, музыку и слово.

Важно отметить, что само определение понятия «интонирование» является несколько проблематичным. Так, несмотря на достаточно активное

использование этого термина, во всех словарях приведена только его глагольная форма: «интонировать» – выполнить или произнести с определенной интонацией. При этом, существительное «интонирование» не встречается не только в словарях, но и в исследованиях, посвященных данной проблеме. Однако, дано определение другого понятия – «интонация». В словаре С. Ожегова находим три его определения: «1. Повышение или понижение тона голоса при произношении. 2. Манера речи, которая выражает определенные чувства говорящего, тон. 3. Точность звучания голоса при пении или музыкального инструмента во время игры» [7, с. 224]. Как видим, интонация часто понимается как манера произношения, выражение чувств оратора, его отношение к предмету речи, особенности его душевного склада и состояния в данный момент. Интонация в речи представляет собой ее ритмико-мелодический строй. В процессе познания, феномен «интонация» приобрел нескольких значений:

- интонация – это уникальный ритмико-мелодический строй языков и жестов народов мира; чередование повышений и понижений, ускорений и замедлений тонов при произнесении языковых конструкций. Каждый народ имеет свои особые интонации в речи и в выразительных движениях, особый характер произношения слов и предложений в устной речи, специфический характер исторически сложившихся выразительных жестов и движений, традиционных песнопений и старинной музыки;

- каждый человек является носителем особой, присущей только ему интонации, которая окрашивает его язык и индивидуальные мимические и телесные движения, а также паузы (выразительные замирания).

Французский писатель, теоретик театра и новатор театрального языка А. Арто (1896-1948), описывая свой «театр жестокости», в действительности обсуждал любое высказывание как процесс интонации. При этом, согласно А. Арто, «Слова будут использоваться и в истинно магическом смысле, в зависимости не только от их значения, но и от их формы, их чувственной эманации» [1]. Безусловно, здесь речь шла о значении интонации.

Р. Барт (1915-1980) – французский философ и литературовед, согласно которому язык является не простым орудием содержания, он сам активно производит это содержание. Р. Барт отмечал: голос – это «интимная подпись актера» [3];

- интонация представляет собой особый культурный знак в риторике, а также в музыкальном и театральном искусстве, где режиссер, актер и дирижер, лекторы и ораторы, певцы и музыканты создают эталоны интонационной культуры и контролируют соответствие сыгранного или выполненного слова или жеста. По особенностям интонации речи и жестов человека можно судить о культурной среде, к которой он принадлежит.

Согласно мнению лингвиста-мыслителя А. Потебни (1835-1891), со словами могут происходить изменения, которые приводят к потере им своей образности: «По мере того, как мысль с помощью слова идеализируется и освобождается от

влияния непосредственных чувственных восприятий, которые ее угнетают и измельчают, слово лишается своей образности» [9, с. 154.]. При этом слово, безусловно, «сгущает мысли» [9, с. 155.], а сгущению мыслей способствует сопутствующая слову знаковая система интонаций, которой подчеркиваются произнесенные слова.

В советское музыковедение указанные термины были введены основателем интонационной теории, академиком Б. Асафьевым [2]. В трудах ученого исследуемый термин применяется в двух значениях. Так, первое имеет тесную связь со структурным образованием звукотворчества: «Музыкальная интонация – осмысление существующих звучаний в систему звукоотношений, точно зафиксированных памятью: тональностей и тонов» [2, с. 198], в отличие от речевой интонации: «Речевая интонация – осмысление музыкально не фиксированных звучаний, которые не стабилизировались в музыкальных величинах или постоянных отношениях звуков, которые стали тонами» [там же]. Также ученый обращает внимание на наличие в слове «интонация» корня «тон». Обращаясь к немецкому языку, можно заметить, что слово «Ton» означает именно музыкальный звук, в отличие от слова «Klang», которое означает звук физический.

Второе значение, которое вкладывает Б. Асафьев в понятие «интонация» – интонация как звучание. Автор рассматривает три фактора, которые являются существенными для мелодического становления – «расстояние, направление (границы высотности), степень напевности (распределение силы дыхания в данном звучании, то есть фактор динамического порядка)» [2, с. 199]. Как видим, первые два фактора раскрывают структурное значение, третий – образно-смысловое и артикуляционно-выразительное, что связано с звукозаполнением, звукообразованием, звукоизвлечением, а следовательно, является более приближенным к понятию «интонирование».

В своих трудах ученый вспоминает и само понятие «интонирование». Так, рассматривая музыку как искусство интонированного смысла, Б. Асафьев обнаруживает непосредственную зависимость содержания от окраски звучания. По мнению академика, в процессе интонирования личность «Не мыслит себя вне отношения к действительности, и как языковая, так и музыкальная интонация не проявляется путем механической артикуляции. Поэтому тонус голоса человека, то есть проявление в звучании его психической деятельности, всегда несет эмоционально-смысловую нагрузку и эмоциональное напряжение, в зависимости от степени высотности» [2, с. 199]. Однако, исследования интонационной теории дает возможность сделать вывод, что ее автор не дает конкретной формулировки понятию «интонирование». Так, заявляя, что специфичность музыкального языка заключается именно в его интонационной природе, ведущим источником интонационного содержания Б. Асафьев называет интервал (конструктивный мелодический элемент) с его ритмической и звуковысотной выразительностью. Интервал он называет основой

выразительности музыкальной интонации: «Там, где речь идет об интервале, я толкую этот важнейший музыкальный элемент как выразительный и считаю, что интервал является одной из первичных музыкальных форм, ведь человеческое сознание, ища выражение в звуке, обязательно производил устойчивые опорные тоновысотные точки (узлы) и связи между ними (арки) для выражения интонационных закономерностей. Интервалы как форма выражения в каждой данной системе тонов – звуко-ряде, составляют интонационные показатели (степень тонового напряжения, высотность, устойчивость, которые отличаются в зависимости от инструмента). Но преобладание любого интервала в музыке является следствием интонационного отбора, происходящего под влиянием общественного сознания, и есть стилевым выявлением» [2, с. 218]. Отдельные единицы музыкального интонационного языка Б. Асафьев определяет как «попевки», имея в виду «группу связанных тонов, составляющих мелодический оборот или рельеф» [2, с. 9-20]. Как видно из данного примера, речь идет не столько об интонировании, как способе звукоизвлечения, сколько о выразительных возможностях интонаций-интервалов.

В многочисленных научных трудах пост-асафьевского периода интонационная теория истолковывается как система взаимодействия слова и музыкальной интонации, как коммуникативная система. Использование термина «интонирование» как производного от «интонация» наблюдается в исследованиях Е. Алексеева, Е. Бондарь, Т. Веркиной, А. Малинковой, Б. Незванова. Так, у Б. Незванова находим следующее определение понятия «интонирование»: «Выявление интонации в непосредственной звукотворности» [6].

Проблема единства музыки и интонации словесной речи раскрывается в книге Е. Назайкинского «О психологии музыкального восприятия» [5]. Ученый отмечает, что на восприятие человеком музыкальной интонации влияет весь его языковой опыт. Особое значение Е. Назайкинский отводит синтаксическому языковому опыту, рассматривая общие со словесной речью функции музыкальной интонации: передачи логически-смысловой и эмоциональной информации, характеристическую; исследует различные взгляды на понимание музыкальной интонации, отмечая при этом факте отсутствие единого значения этого слова. Также ученым представлены характеристики музыкальной и речевой интонаций, на основе анализа различий языковой и музыкальной мелодики.

В последние десятилетия в интонационной теории большую роль играет личность В. Медушевского, в частности, его монография «Интонационная форма музыки» [4]. Ученый исследует мироощущение музыканта-творца, раскрывает физиологические и психические механизмы восприятия смыслов, заложенных в музыкальной интонации. Основная идея его работы запечатлена в названии первой главы книги: «Интонационная форма как единство протоинтонационной и аналитической стороны».

Таким образом, осуществлен анализ понятий «интонация» и «интонирование» дает возможность сделать вывод об их тесной связи, так как эти два термина предусматривают проявление эмоционального содержания в музыкальном (тоновом) звучании.

Список литературы

1. Арто А. Театр и его двойник. СПб.; М.: Симпозиум, 2000. 443 с.
2. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. Л.: Музыка, 1971. 376 с.
3. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
4. Медушевский В.В. Интонационная форма музыки. М.: Композитор, 1993. 262 с.
5. Назайкинский Е.В. О психологии музыкального восприятия. М.: Музыка, 1972. 197 с.
6. Незванов Б.А. Интонирование в курсе сольфеджио. Л.: Музыка, 1985. 184 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1983. 816 с.
8. Платон. Филеб // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 7–78.
9. Потебня А. А. Мысль и язык. – Киев: СИНТО, 1993. 191 с.

CULTUROLOGY

К ВОПРОСУ О ВОЗРОЖДЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ДИЗАЙНА КОСТЮМА

Юмагулова В.М.

ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», доцент

Калачева Е.В.

ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», студент

Одинцова А.Д.

ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», студент

TO THE QUESTION OF REVIVAL OF TRADITIONAL ARTISTIC CRAFTS OF RUSSIA ON THE EXAMPLE OF COSTUME DESIGN

Yumagulova V.

Federal state budgetary educational institution of higher education

"Ufa state oil technical University", associate professor

Kalacheva E.

Federal state budgetary educational institution of higher education

"Ufa state oil technical University", student

Odintsova A.

Federal state budgetary educational institution of higher education

"Ufa state oil technical University", student

Аннотация

Сохранение традиционных художественных ремесел является одной из стратегических задач в сфере культуры России. Несмотря на любые инновации и креативность культуры, этносу необходимо сохранять связь между поколениями. Мировой опыт показывает, что каждый народ пытается не просто хранить исторически сложившиеся этнокультурные традиции, но и стремится перенести их в будущее, чтобы не утратить этнической идентичности. Одним из самых актуальных направлений в стилизации современного дизайна одежды является этническое направление. На основе этнических и исторических источников, дизайнеры создают уникальные коллекции одежды с применением традиционных народных ремесел в качестве декоративных элементов.

Abstract

Preservation of traditional arts and crafts is one of the strategic tasks in the sphere of Russian culture. Despite any innovation and creativity of culture, the ethnic group needs to keep in touch between generations. World experience shows that every nation is trying not only to preserve the historical ethno-cultural traditions, but also seeks to move them into the future, so as not to lose ethnic identity. One of the most actual directions in stylization of modern design of clothes is the ethnic direction. Based on ethnic and historical sources, designers create unique collections of clothing using traditional folk crafts as decorative elements.

Ключевые слова: культура, искусство, художественные промыслы России, Вологодское кружевоплетение, современный костюм

Keywords: culture, art, art crafts of Russia, Vologda lace weaving, modern suit.

Каждый человек принадлежит к тому или иному этносу. По наиболее распространенной на Западе точке зрения, под этносом понимают этническую группу, состоящую из индивидуумов, говорящих на одном языке, имеющих одну историю, традиции, обычаи, религиозный опыт и прочее. Культура и личность являются целями друг друга. Культура, как известно, создается личностью, но в то же время, осваивая и постигая этнокультурный феномен, человек становится наследником культуры, формируется как целостная этнокультурная личность. Сохранение и развитие традиций в структуре национальной культуры – гарантия от застоя в её развитии.

Несмотря на любые инновации и креативность культуры, этносу необходимо сохранять связь между поколениями. Этнокультурное наследие

кружевоплетения передается из поколения в поколение, развиваясь, обогащаясь и видоизменяясь. Историческая преемственность бережется как высшая ценность. [8]

Одной из функций одежды является эстетическая - это соответствие современным требованиям человека, выраженным в эстетических вкусах, сложившемся направлении в моде. Эстетические функции определяются соответствием одежды образу человека, совершенством композиции изделия, а также уровнем качества его изготовления и видов отделки, которые позволяют индивидуализировать образ человека.

Декор в костюме - это художественная система, совокупность украшающих его элементов, не имеющих практического назначения. В утилитарном смысле декоративные элементы в одежде не

являются обязательными, как, например, конструктивные или функциональные элементы (карманы, вытачки, застежки, манжеты и другие). Однако они появились в костюме человека уже в незапамятные времена и не теряют своей актуальности и сегодня. В современной одежде весьма распространенным является украшение деталями, выполненными из отделочной ткани и специальных материалов – кружевом, тесьмой, бахромой, лентами и т.д. [2]

Искусство моды – это быстротечный процесс, постепенно создающий массовое поведение. Но есть вещи, которые существуют вне времени и моды, и изящество плетеной нити не подвержено их капризам. Соединяясь с талантом и умением исполнителя, оно дарит нам шедевры, которые называют кружевом. Кружевоплетение – это вид декоративно-прикладного искусства, ставший русским народным промыслом, который основан на создании изделий из нитей, путем их переплетения между собой. Использование традиционных видов

отделок, таких как кружево, в качестве составляющих современного костюма, позволяет подчеркнуть его национальную направленность.

Родиной плетения кружева на коклюшках считается Италия. В XVI веке это искусство начало свое долгое существование и скоро распространилось по всей Европе. [1]

Как центр изготовления кружева в России особо известна Вологда. Вологодское кружевоплетение зародилось в XVI-XVII веках, а немного позднее стало уже народным промыслом. Вологодское кружево – один из видов русского кружевоплетения на коклюшках. Непрерывная и неперекрещивающаяся пластичная линия, образующая узор Вологодского кружева представляется в виде выплетенной тесьмы ("вилюшки") на фоне тонкой ажурной "решетки" ("сцепная" техника). На рисунке 1 представлен угловой фрагмент покрывала из вологодского кружева. [4]

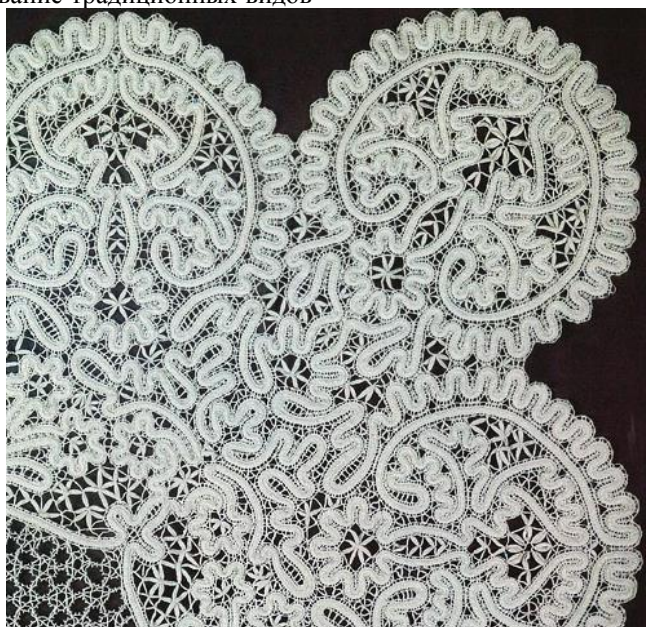

Рисунок 1 - М.Н.Груничева. Покрывало. Фрагмент - угловой элемент. 1947 год. Вологда. Государственный Русский музей

Современное русское плетеное кружево на коклюшках является подлинно народным произведением декоративного искусства. Оно поражает богатством своеобразных узоров, декоративной выразительностью и совершенством исполнения. Ручное кружево имеет многовековую историю. С давних времен кружевами украшали рушники, скатерти, женское бельё. С большой любовью и мастерством кружева применяли для отделки женского костюма. [5]

Тогда как, изделия массового производства – это изготовление значительного количества однородной продукции, то вещи ручной работы всегда оригинальны, нередко созданы в единственном экземпляре. А, кроме того, создавая изделие на заказ, мастер легко может учесть вкусы потребителя. Еще один важный момент – качество. Благодаря кропотливому отношению к художественным тонкостям,

а также высокому ремесленному умению создаются уникальные шедевры – высокого качества и эксклюзивности. [3]

Кружевные воротники и элементы используются как самостоятельные аксессуары. Кружевной воротник дополняет горловину костюма с круглым вырезом или украшает открытую зону декольте, дублирует цельнокроеные или втачные воротники, а так же сохраняет актуальность на протяжении столетий и является популярной деталью одежды.

Кружевные элементы и манжеты так же акцентируют внимание в костюме на низ самого изделия и низ рукавов, но место их расположения может быть – угловым, центровым, боковым, краевым, сплошным, смешанным. Они играют важную роль в создании женского образа и периодически становятся главным акцентом в костюме. [6]

Эстетика конструктивизма кардинально изменила костюм, сделала его универсальным. Наряд,

сделанный на основе простой конструкции, благодаря применению ажурных деталей, приобретает индивидуальность. Повседневное, будничное платье становится нарядным. Использование кружева в женском костюме стало традиционным, а потому изделия из кружева имеют право на существование не зависимо от моды и стиливого направления.

С целью решения задач, стоящих перед молодыми дизайнерами, авторами была разработана коллекция женской современной одежды «прет – а

– порте» из современных материалов с использованием эстетически выразительных элементов вологодского кружева. Целью разработки данной коллекции являлось показать возможность использования народных, и возрождение духовных, традиций в современном костюме. На рисунке 2 представлены фотографии декоративных элементов из кружева использованных в коллекции «Наследие Вологды», а на рисунке 3 представлен коллаж данной коллекции.

Рисунок 2 – Декоративные элементы из кружева (автор Калачева Е.В.)

По представленным фотографиям можно убедиться, что современные кружева, со сложными и выразительными узорами, служат прекрасным украшением к женским платьям и костюмам. В данной коллекции авторы подобрали такие фактуры материалов, которые гармонично сочетаются

между собой. Использование глубоко матовых, гладких поверхностей подчеркивает благородство и изящество элементов вологодского кружева. Также, в архитектонике костюма все пластические линии были увязаны с узорами элементов кружева.

Рисунок 3 – Коллекция «Наследие Вологды». Авторы Калачева Е.В., Одицова А.Д.

Мировой опыт показывает, что каждый народ пытается не просто хранить исторически сложившиеся этнокультурные традиции, но и стремится перенести их в будущее, чтобы не утратить этнической идентичности. Традиции кружевоплетения исполняют роль механизма передачи опыта старшего поколения. В этом и заключается сущность преемственности.

Важнее всего – знать и не забывать культуру своей Родины. Делать всё, чтобы она процветала. Особенно среди молодёжи, ведь молодёжь – это наше будущее. Мы должны знать то, что прославляло Россию веками, чтобы создавать то, что будет превосходить по красоте и качеству сделанное до нас. [7]

Список литературы

1. Белозёрова И.Е. Русское кружево. Школа плетения на коклюшках / И.Е. Белозёрова, Л.И. Блинова. — М.: Рипол Классик, 2005. — 334 с.
2. Бердник Т.О. Моделирование и художественное оформление одежды / Т.О. Бердник. — Ростов н/Д.: Феникс, 2001. — 352 с.
3. В чем ценность вещей ручной работы. [Электронный ресурс] URL:<https://www.livemaster.ru/topic/1956267-v-chem-tsennost-veschej-ruchnoj-raboty?&inside=0&wf>.
4. Калачева Е.В. История возникновения и развития Вологодского кружева (статья) / Е.В. Калачева, В.М. Юмагулова // Мир Востока и Мир Запада: проблемы и перспективы: сборник научных статей Международной научно-практической конференции, 25 апреля 2018 г. / редкол.: С.Д. Галиуллина (отв. редактор) и др. — Уфа: Изд-во УГНТУ, 2018. — С. 242-244. 584 с.
5. Кораблёва А.А. Кружево в современном костюме (Плетение на коклюшках) / А.А. Кораблёва, А.Я. Плющева. — Лёгкая индустрия, 1967. — 48 с.
6. Медкова М.Ч. Альбом сколков кружевных изделий. В 2-х частях. Ч. 2. Вологодское кружево в костюме / Сост. М.Ч. Медкова, О.Ф. Кириллова [авт. вступ. ст. Н.А. Кутекина]; Департамент международных, межрегиональных связей и туризма Вологодской области, Губернаторский колледж народных промыслов, Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации. - Вологда: Киселев, 2011. - 48 с.: цв. ил.
7. Одинцова А.Д. Влияние традиций росписи славянских народов на культурное развитие современного общества (статья) / А.Д. Одинцова // Славянский мир. Традиции и современность: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Ростов-на-Дону) / ред.-кол. Н. Пашаев [и др.]; Донской гос. техн. ун-т. Ростов н/Д.: ДГТУ, 2018. 65 с.
8. Юмагулова В.М. Традиции национальной культуры в дизайне современного детского костюма [Текст] / В.М. Юмагулова // Инновационные технологии в науке и образовании: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 15 янв. 2017 г.). В 2 т. Т. 1 / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. — Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. — № 1 (9). — С. 27–30. — ISSN 2413-3981.

HISTORICAL AND ARCHEOLOGICAL SCIENCES

MYTHOLOGIES IN CONTACT: SYRO-PHOENICIAN TRAITS IN HOMERIC ZEUS

Zolotnikova O.

Ph.D.

Open University of Cyprus (Cyprus),

School of Anthropology,

Department of Hellenic Civilization,

Associate Tutor

Abstract

The paper attempts to indicate and to survey those features in the Homeric image of Zeus, which present close similarities with certain characteristics of the Syro-Phoenician gods El and Baal. Also, the mechanism and the chronology of the appearance of the Syro-Phoenician elements in the mythological concept of Zeus are considered. Overall, it is concluded that the Homeric passages relating to Zeus and presenting resemblances with the Ugaritic passages relating to Baal and El are only scattered fragments, which remained from a much more voluminous prehistoric corpus of Greek poetry concerned with Zeus and created by *translation of* and/or by *analogy with* the Near-Eastern epics about the main Syro-Phoenician gods.

Keywords: Zeus, Homeric Zeus, Homeric poems, Greek mythology, prehistoric Greek mythology, prehistoric Greek epos, Syro-Phoenician mythology, Ugaritic epic poems, Baal, El, Near-Eastern influence on Ancient Greek mythology.

Introduction

It is commonly accepted that Greek epic poetry of the late prehistoric – early historic periods widely borrowed from Near-Eastern literature verbal formulae, descriptions and characteristics of gods, mythological motifs and themes. Zeus as appears in the poems of Homer is, perhaps, the most remarkable example of a Greek mythological divine figure with easily recognizable traits of different Near-Eastern gods. Striking similarities between the descriptions of Zeus in the Homeric poems and the literary portraits of certain Near-Eastern gods, as Syro-Phoenician El and Baal, Sumerian-Akkadian Enlil and Ishkur, Babylonian Marduk, and Hebrew Yahweh, have been noticed and indicated by many scholars who explored a more general subject of Near-Eastern elements in Greek poetry and mythology². However, a specific study, which would carefully survey the features of the Near-Eastern gods adopted by the epic / mythological image of Zeus, is still to be carried out. Such a study would help to trace the history of the concept of Zeus in Greek mythology from prehistoric time to the Archaic period. In this paper, it will be attempted to highlight and to analyze those features in the Homeric image of Zeus, which appear very similar with the characteristics of the Syro-Phoenician gods El and Baal and, therefore, may have been borrowed by Greek epic diction from the Syro-Phoenician myths and epic poems. In order to complete this survey, it is necessary to specify the mechanism and the chronology of the appearance of the Syro-Phoenician elements in the mythological image of Zeus.

The surviving part of the Syro-Phoenician mythic / epic tradition is mostly represented by the epics of

Ugarit³, but a considerable quantity of the Syro-Phoenician religious and mythological themes and motifs is also preserved in the *Old Testament*, while the representational material from Syria and Phoenicia, too, provides important information about the Syro-Phoenician mythological imagery. However, in order to estimate properly the similarities between the Homeric verses relating to Zeus and the Ugaritic passages relating to El and Baal, it must be realized, firstly, the difference in the time of the composition of the Homeric poems and the epic poems of Ugarit, and, secondly, the fact that, unlike the Ugaritic poems, as, e.g., those of *Baal Cycle*, the poems of Homer are not about gods: the *Iliad* and the *Odyssey* describe certain epic events and deeds of certain epic heroes, while the gods, including Zeus, are rather in the background in either of the poems. This means that the author of the *Iliad* and of the *Odyssey* did not especially try to create elaborate descriptions of gods, but used (or modified) the verses, which already existed in Greek epic diction in his time. Just a few decades after the *Iliad* and the *Odyssey* (or, possibly, even at the same time with the *Odyssey*), Hesiod, in order to summarize and systematize the Greek myths as those were shaped by the late eighth – early seventh centuries BC, wrote a special poem about the Greek gods – the *Theogony*, in which Zeus is undoubtedly the main protagonist richly and elaborately described. Therefore, comparing Homeric Zeus with El and Baal of the Syro-Phoenician epics and myths, it seems useful to supplement the Homeric references to Zeus with some passages from Hesiod's *Theogony*.

Zeus and El

Comparing the divine spheres presented in the poems of Homer and in the epics of Ugarit, one may easily

² The book by M. West (1997) *The East Face of Helicon...* (Oxford) should be mentioned as, perhaps, the most exhaustive of the recent studies on this subject. See also Penglase (1994), Zolotnikova (2013) 31-36.

³ The texts of the epics of Ugarit are cited and referred to in this paper according to their English translation by Wyatt (1998) and Parker (1997), and the Russian edition by Shifman (1993).

observe, first of all, a number of close resemblances between the Homeric portrait of Zeus and the image of the supreme Syro-Phoenician god El: both gods have as their basic designation the epithet “father” applied to them regardless of the real state of kinship. The formally similar compounds “(Bull) El Father” and “Zeus-Father” / *Ζεύς πατήρ* are used for these gods throughout the Ugaritic epos and the Homeric poems, respectively⁴. Moreover, El is called “Father of men”⁵ and “Father of gods” in separate epithets matched by Zeus’ formulaic epithet “Father of men and gods” / *πατήρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε* (*Il.* 1.544, and often). In the Ugaritic poems, the gods may be designated as “sons of El”⁶, while the epithet “beloved of El” is applied to the gods especially favoured by the supreme deity⁷. Analogous terminology is traced in the Homeric poems, in which the epithet “son of Zeus” / *Διὸς υἱός* is used for gods-Zeus’ sons (*Il.* 1.9, and often) and the epithet “loved by Zeus” or “dear to Zeus” / *διῖφιλος* (= *Διὶ φίλος*) designates the distinguished heroes (e.g., *Il.* 6.318). Thus, Ugaritic El and Homeric Zeus appear very much alike in personifying the idea of the *absolute fatherhood*, each in his own divine system. Here, it must be noted that the origins and the actual meaning of this idea in the religious perception of the Greeks and in that of the Phoenicians were different: in the Syro-Phoenician religious system, *El Father* was regarded as the *Creator* of being⁸; Homeric *Ζεύς πατήρ* was the Greek version of the common supreme Indo-European god **t’yeu(s)-p^hHt^her* “God of the clear sky-Father” who was not linked to the function of creation⁹. However, the quality of a *universal father* pertaining to both the gods must have played the major role in comparing Zeus to El, which the prehistoric Greeks visiting Phoenicia and Greek bards familiar with the Phoenician mythological images could not avoid.

Both El and Homeric Zeus hold the supreme position in their pantheons: the authority of El, which he may transmit to any god of his choice, is expressed in the titles “Lord of the gods” / *yw il[m]*, “Lord” / *adm*, and “King”¹⁰; Homeric Zeus, often called simply “Lord” / *ἄναξ* (*Il.* 1.502, and often), acts as “Lord of gods and men” (*Il.* 2.669), that is, as “Lord over all mortals and immortals” (*Il.* 12.242), and as “Lord among all the immortals” (*Il.* 18.366). In this regard, it should be noted that Zeus as a direct descendant of the supreme Indo-European god **t’yeu(s)-p^hHt^her* in Greek religion

may have been the supreme Greek god during the Early-Middle (?) Bronze Age, but his position in the Mycenaean pantheon focused on the Great Goddess(es)¹¹, was rather low, not resembling at all the position of Zeus in the divine system of the Homeric epics¹². Hence, Zeus actually worshiped during the late prehistoric period would hardly have been the prototype for Homeric Zeus – the “Lord-ruler of gods and men”.

El was imagined seated on a throne, in his magnificent Palace – “the House of Father”, located at the supposed exact centre of the Universe – perhaps, on a mountain¹³; assemblies / councils of gods and divine banquettes took place there (note, for instance, “...the convocation of the Council / Great Assembly [of gods]” at “the Divine Mountain [of El]”, described in KTU 1.2.i.13-14, and “The Myth of El’s Banquet” recorded in a vast text)¹⁴. The Homeric pictures of the “House of Zeus” / *δῶμα Διὸς* on Olympus, likewise used for divine assemblies and feasts¹⁵, are remarkably similar to the descriptions of the “Palace of El” and of the events held in it, while the Homeric verses describing Zeus seated on a golden throne in his palace atop of Olympus (*Il.* 8.442-443: “Zeus... himself sat upon his throne of gold...”; *Il.* 1.533-536: “Zeus went to his own palace... he sat down there upon his throne”) seem to have reflected the Near-Eastern imagery. It should be emphasized that the motif of the *supreme enthroned god* is not securely traced in individual Indo-European mythologies, because such a motif implies a certain concept of power that was not inherent in traditional Indo-European ideas¹⁶. However, the Homeric image of Zeus seated on a golden throne provided the most inspirational pattern for the representations of *Zeus enthroned*, which were created in Greek art from the Archaic period onward.

Both El and Homeric Zeus possess extraordinary wisdom. In Ugarit, the wisdom of El was hymned in special religious chants: “Your word, El, is wise: you are everlastingly wise; a life of good fortune is your word”¹⁷. Homeric Zeus, too, “...may speak a word of wisdom” (*Il.* 24.75); he is the god who knows everything and “in wisdom... [is] above all others, both men and gods” (*Il.* 13.631-632). It is noteworthy that the main epithet designating Zeus as the all-knowing god – *μητιέτα* (*Il.* 1.507, and often) seems to be formally a

⁴ Wyatt (1998) 47 (KTU 1.1.iii.26, and often); Dee (2001) 57-59.

⁵ Shifman (1993) 74 - “Father of men” / *b’adm*, where *adm* designates a collective of people.

⁶ *bn il(m)*, Wyatt (1998) 54-55, note 78 (KTU 1.2.iii.20).

⁷ Wyatt (1998) 49 (KTU 1.1.iv.20).

⁸ Note the Ugaritic epithet of El - “Creator of the creatures” or “Creator of the created things”, Wyatt (1998) 94, note 103 (KTU 1.4.ii.10, KTU 1.4.iii.32, and oth.); also, the epithetic formula “God Most High, maker of heaven and earth” preserved in the *Old Testament* (*Gen.* 14.19, 22). On the functions of creator ascribed to El, see Zolotnikova (2013) 34.

⁹ Gamkrelidze and Ivanov (1995) v.1, 196, 680, 692-700.

¹⁰ Wyatt (1998) 52 - “King” in KTU 1.2.iii.6; Wyatt (1998) 48-49, note 54 - the titles of El transferred to the god Yam.

¹¹ See more on this subject in Boëlle (2004).

¹² Zolotnikova (2013) 39-41.

¹³ Wyatt (1998) 46 (KTU 1.1.iii.21-24); Wyatt (1998) 52 (KTU 1.2.iii.3-6). Note also the relief on a stele from Ugarit (14th century BC) with representation of El enthroned, accepting offerings from a king of Ugarit, Schaeffer (1939) pl.31.

¹⁴ Wyatt (1998) 58; Wyatt (1998) 404-413; also Wyatt (1998) 50 (KTU 1.1.iv.29): “El gave a feast”.

¹⁵ Note *Iliad*, 1.221-222: “...to Olympus, to the halls / chambers of Zeus...” / “*Ὀλύμπιον... δῶματ’ ἔς... Διὸς...*”; also *Iliad*, 1.533-535, 1.570, 5.906, 19.355, and oth.; *Iliad*, 4.1: “...the gods, seated by the side of Zeus, were holding assembly on the golden floor...”; *Iliad*, 20.4-6: “Zeus bade Themis summon the gods to the place of gathering from the brow of many-ribbed Olympus; and she sped everywhither, and bade them come to the house of Zeus”; *Odyssey*, 5.3-4: “...the gods were sitting down to council, and among them Zeus...”.

¹⁶ Gamkrelidze and Ivanov (1995) v.1, 692-700.

¹⁷ Wyatt (1998) 87 (KTU 1.3.v.30-31).

vocative noun, which may have descended into the Homeric epics from prehistoric invocations addressed to wise Zeus¹⁸. Therefore, it might be presumed the existence of a prehistoric Greek epic song or religious hymn, in which the wisdom of Zeus was exalted in the way analogous to that used in the Ugaritic hymn for “everlastingly wise” El. Moreover, the Homeric formula “equal to Zeus in wisdom” / Διὶ μῆτιν ἀτάλαντος (Il. 7.47, and often), which may have been of the Early Mycenaean origin (< *Diwei mētīm smtálanτος¹⁹), appears as an equivalent of the phrase: “like El you are wise” from an early Ugaritic poem known as *The Legend of Keret*²⁰. To clarify, it is not improbable that Greek Zeus was originally regarded and appealed to as a wise god; however, it seems that, if Zeus was really exalted as a wise god in Mycenaean poems, verbal rendering of the idea of Zeus’ wisdom resembled the Ugaritic verses referring to the wisdom of El. It may also be argued that the passages describing wise El in Syro-Phoenician literature were used as patterns in prehistoric Greek poetry from the beginning of the Mycenaean period, if not earlier.

Zeus and Baal

Strikingly, Homeric Zeus, in spite of his name indicating his original nature as that of a god of a clear, not cloudy and not stormy, sky²¹, presents even more similarities with the Syro-Phoenician storm-god Baal as that is portrayed in the Ugaritic poems. Both act as vigorous storm-gods controlling all aspects of the storm as a natural phenomenon: the expressions “your clouds”, “your winds”, “your lightning”, and “your rains” relating to Baal²² correspond to the Homeric formulae “Zeus’ clouds” (Il. 2.146), “Zeus’ wind” (Il. 14.19), “Zeus’ lightning” (Il. 11.166), “Zeus’ lightning bolt” (Il. 21.198), and “Zeus’ rain” (Il. 5.91).

One of the basic epithets of Baal in the poems of Ugarit – “Charioteer of the Clouds” or “Rider on the Clouds” / rkb ‘rpt²³ seems to find its analogue in one of the most frequent epithets of Homeric Zeus - αἰγίοχος, which is formed of the words αἰγί-ς “storm-cloud”,

“storm-wind”²⁴ and ὄχος (m) / ὄχη (f) “chariot” (< Mycenaean wo-ka = Φοχά “chariot”)²⁵. Apparently, Zeus’ epithet αἰγίοχος emerged in Greek poetry before Homer and originally expressed the poetic image of Zeus riding in a storm-chariot analogous to the Syro-Phoenician poetic image of Baal as a rider in a chariot made of clouds, carried across the sky by the winds, and gleaming with lightning-flashes²⁶ (note, e.g., the verse from the Psalm 104.3: “He makes the clouds his chariot and rides on the wings of the wind”, which seems to have been borrowed by early Hebrew literature from Syro-Phoenician religious hymns and/or poems about the storm-god)²⁷. The idea of Baal riding in a storm-chariot had its roots in very old Near-Eastern imaginative perception of a storm-god as charioteer who had harnessed the storm; this perception is traced from the late third – early second millennia BC²⁸. The idea of Baal-driver of stormy chariot had generated magnificent pictures in the Syro-Phoenician religious and mythological imagery during the Bronze Age and Early Iron Age, and it must have exercised influence on prehistoric Greek poetry and mythology. Descriptions of a storm-god riding in the sky in a stormy chariot, which would have been based on the passages from the Syro-Phoenician poems and hymns describing or referring to the flights of the “Charioteer of the Clouds”, probably appeared in Greek poetry in the Early Mycenaean period, but were gradually modified and eventually lost their original meaning. Thus, the Near-Eastern pattern of a storm-god riding in his chariot across the sky and shining brightly with golden flashes of lightning may be recognized in the Homeric verses describing Zeus’ impetuous flight in a chariot, in the Eighth Book of the *Iliad*: “...he let harness beneath his chariot [ὄχεσσι - epic dative plural form of ὄχος “chariot”, “carriage”] his two horses with untiring feet [or with bronze hooves], swift-flying [ὠκνέτα - accusative dual form of ὠκνέτης < πέτομαι “to fly”], with flowing manes of gold; and with gold [or golden radiance] he clad himself about his body, and grasped the well-wrought whip of gold, and stepped upon his chariot and touched the horses with the lash to

¹⁸ The word *μητιετα* (where *-τα* is the characteristic ending of the vocative case of the masculine nouns in *-της*) seems to have been formed in Mycenaean Greek language: Homeric *μητιετα* < Myc. **metiwet-* < **met-ti-unt-*, see Leukart (1994) 42-43, 291; Vivante (1982) 85. The literal meaning of the epithet may have been “he who has learned everything”, see Zolotnikova (2013) 24. It should be mentioned that some scholars are of the opinion that there was a group of Mycenaean masculine nouns in *-τα* and that *μητιετα* is one of them and not a prehistoric vocative form, see Hooker (1967).

¹⁹ West (1988) 157, 159.

²⁰ Shifman (1993) 41, 60 (KTU 1.16.iv.3).

²¹ Gamkrelidze and Ivanov (1995) v.1, 196, 693.

²² Wyatt (1998) 123-124 (KTU 1.5.v.6-7).

²³ Wyatt (1998) 65 (KTU 1.2.iv.8, and often).

²⁴ Pokorny (1959) v.1, 13-14 (aig-).

²⁵ Προμυονάς (1980) 28.

²⁶ Wyatt (1998) 101 (KTU 1.4.v.6-9): “...the seasons of his rains may Baal indeed appoint, the season of his storm-chariot [b glt tkt - literally “chariot in the storm”], and [of] the sound of his voice from the clouds, [and of] his hurling to the earth of lightning-flashes”.

²⁷ See also Psalm 18.9-10, and Psalm 77.17-18; in the most impressive way, the divine storm-chariot is described in the *Book of Ezekiel*, 1.4-28, 3.13, and 8.2.

²⁸ Perhaps, the earliest indication of such perception is the representation of the Sumerian storm-god Iškur in a chariot drawn by a furious, winged lion-dragon, on a cylinder seal dated to the late third millennium BC (Black and Green (1992) 52; Frankfort (1939) pl.22, a); according to the Sumerian hymns, Iškur was believed to have harnessed seven winds to haul his wagon (Pritchard (1969) 577-578 *Ishkur and the Destruction of the Rebellious Land*, lines 7, 15-17). Adad, the East Semitic storm-god, appears with the epithet *rkb* “rider” in the early-second millennium BC Akkadian epic poem *Atrahasis* (Smith and Pitard (2009) 297), and was represented as a rider in a chariot drawn by horses or bulls on the Old Assyrian Colony Period seals (c. 1969-1715 BC) found in Central Anatolia (Özguç (2006) 192, nu.CS 589; Frankfort (1939) 242-251, pl.40, m, n). His West Semitic version – the storm-god Hadad (=Baal) is recognized on a relief from the temple of the Storm-god of Halab-Aleppo, dated to the eleventh century BC, showing the god as a young warrior armed with thunder-mace and riding in a chariot drawn by a bull (Hawkins (2011) fig.2).

start them; and those, not involuntary, fled [*πετέσθην < πέτομαι* “to fly”] onward midway between earth and stary heaven” (*Il.* 8.41-46). The original lines, which underlie this Homeric passage, could resemble the verses from a hymn to the Sumerian storm-god Iškur: “Father Iškur, lord who rides the storm... Your radiance has covered the land like a garment... Harness the winds before you. Let the seven winds be harnessed for you like a team... Let your vizier ‘Lightning’ go before you...”²⁹. Quite similarly, the god Marduk, who adopted many of the characteristics of the East Semitic storm-god Adad identified with Iškur, was described in the Babylonian poem *Enuma Elish*, in the scene when he prepares for the battle with the dragoness Tiamat: “...He set the lightning in front of him. With burning flame he filled his body... He sent forth the winds which he had created, the seven of them... Then the lord raised the thunderbolt, his mighty weapon. He mounted the chariot, the unrivalled and terrible storm. He harnessed and yoked unto it four horses, destructive, ferocious, overwhelming, and swift of pace...”³⁰. Analogous descriptions of Baal, which must have existed in Syro-Phoenician poetry and religious literature as well³¹, though they are not preserved, would have been used by prehistoric Greek bards for composing the verses about Zeus’ rides across the heaven in a stormy chariot-*Φοχά*. However, in the course of time, Greek oral tradition changed the original context of those verses, which in a slightly modified form began to express more generally the idea of the majestic splendour of a heavenly journey performed by a god; with such changes, they could be used for other gods, as, for example, for Poseidon, whose flight in a chariot (*Il.* 13.23-26) is described in almost the same way as the flight of Zeus. The original meaning of the epithet *αἰγίοχος* “Driver of a stormy chariot / Charioteer of storm” was forgotten towards the beginning of the historic period, and this epithet began to be interpreted as “aegis-bearer”. Nevertheless, the prehistoric motif of Zeus riding in the chariot of storm, which was given verbal form by Greek prehistoric poetry according to the Near-Eastern poetic patterns, remained an impressive picture in the Greek mythological imagery throughout the centuries. The legendary Elean king Salmoneus, who was placed by the tradition in the Post-Mycenaean historical context and was known to Homer as “blameless”, “no-

ble” (*Od.* 11.235-236), was said to imitate Zeus by riding in a vehicle, which produced tremendous noise as if it was Zeus’ thundering chariot (Diodorus Siculus, *The Library of History* 6.6.4, 6.7.1; Apollodorus, *The Library*, 1.9.7). In the fifth century BC, Pindar expressed the old concept of Zeus as a rider in a storm-chariot by calling the god “charioteer of thunder”: “Driver most high of the thunder[chariot drawn by horses with] untiring feet, Zeus” / “ἐλατήρ ὑπέρτατε βροντᾶς [=βροντῆς] ἀκαμαντόποδος Ζεῦ” (Pindar, *Olympian Ode* 4.1). In the fourth century BC, Plato wrote: “...the great leader in heaven, Zeus, driving a winged chariot, goes first, arranging all things and caring for all things” (Plato, *Phaedrus*, 246e)³².

In Syro-Phoenician religion and epos, Baal had the second name *Hadd(u)* or *Hadad* meaning “thunderer” (derived from the Semitic root **hdd-* “to thunder”)³³. Ugaritic poets described the thunder as “the sound of [Baal’s] voice from the clouds”³⁴. Similarly, Homeric Zeus thunders “from on high from out the clouds” (*Od.* 20.102-104); he is “thundering on high” - *ὑψιβρεμέτης* (*Il.* 1.354, and often), “strongly-thundering” - *ἐρίγδουπος* (*Il.* 7.411, and often), and “terribly-thundering” - *σμερδαλέα κτυπέων*; the thundering voice of Zeus is borne afar, as it is indicated by his epithet *εὐρύοπα* (*Il.* 1.498, and often), seemingly an original vocative form. The Homeric description of Zeus thundering aloud as he sits on his throne on the top of Mount Olympus - “Zeus..., whose voice resounds afar / *εὐρύοπα*, sat on his throne of gold, and beneath his feet great Olympus quaked” (*Il.* 8.442-443), seems to be a shortened reproduction of the passage from a Syro-Phoenician epic song or hymn, which glorified Baal’s enthronement over the world, as, e.g., the following lines from the Ugaritic poem known as ‘*Baal’s Palace*’ of the *Baal Cycle*:

“Baal settled into his house, into the midst of his palace...

Baal opened a rift in the clouds;

His holy voice Baal gave forth;

Baal repeated the is[sue of] his lips [= the thunder].

At his h[oly] voice the earth quaked;

at the issue of his [lips] the mountains were afraid.

The ancient [mountains] were afraid;

²⁹ Pritchard (1969) 577-578 ‘*Ishkur and the Destruction of the Rebellious Land*’, lines 7, 11, 16-17, 19.

³⁰ Clay (1923), Appendix, Tablet IV, lines 39-52. Jacobsen (1968) 106, pointed out that Marduk’s appearance in this scene is typical for the Near-Eastern storm-gods.

³¹ Note, for example, a conventionalized representation of Baal’s ride in a bull-drawn chariot, on a cylinder seal from Ugarit: Baal strides to the left; he brandishes a hammer in his raised left hand and holds an axe in the extended forward right hand, in which he also holds the reins of two bulls *galloping* to the left, in front of him, see Schaeffer (1949) 40, fig.13.3.

³² Note also, Tiverios (1997) nu.211 – Zeus holding thunderbolt in his raised left hand, rides in a chariot drawn by four horses (Campanian krater, c. mid-fourth century BC). Comparative evidence from individual Indo-European mythologies suggests that the Indo-European mythological imagery, too, comprised the concept of a storm-god riding in a chariot

drawn by horses (as Vedic Indra and Baltic Perkunas) or goats (as German-Scandinavian Thor). However, it needs to be pointed out that Greek Zeus was not originally a storm-god. Also, the descriptions of Thor and Perkunas as chariot-riders belong to the Middle Ages and may have emerged in mythologies of the early Germans and Balts under the influence of ancient culture, into which the motif of a storm-god riding in a chariot may have come from the Near East (the case of the so-called *travelling images*). Only the Vedic verses relating to Indra and describing him as a rider in a chariot drawn by brown horses (e.g., *Rig Veda* 1.5.4, 1.82.1e, 6) testify, more or less securely, to the original Indo-European pattern of a storm-god riding in the chariot of storm. Overall, this subject requires further study.

³³ Wyatt (1998) 110, note 158 (for KTU 1.4.vii.38-39).

³⁴ Wyatt (1998) 101 (KTU 1.4.v.9); also Shifman (1993) 198, 265: “the voice of Baal” = “thunder” (in KTU 1.19.i.46).

The hills of the ear[th] tottered”³⁵.

Also, the lines from the *Psalms* 18, which was likely composed on the basis of a similar Syro-Phoenician text praising the storm-god, may be referred to: “...7. The earth trembled and quaked, and the foundations of the mountains shook; they trembled because He was angry... 13. The Lord thundered from heaven; the voice of the Most High resounded. 14. He shot his arrows and scattered the enemy, with great bolts of lightning he routed them. 15. The valleys of the sea were exposed and the foundations of the earth laid bare at your rebuke, Lord...”.

Remarkably, Hesiod’s *Theogony* contains verses, which, one the one hand, look like an extended version of the *Iliad* 8.442-443, and, on the other, exhibit even more similarities with the above-mentioned fragments from the Ugaritic epos and the *Psalms* 18: “...he [Zeus] thundered hard and mightily: and the earth around resounded terribly and the broad sky above, and the sea and Ocean’s streams and Tartaros in the earth. Great Olympos trembled beneath the immortal feet as the lord arose and the earth groaned in response” (Hesiod, *Theogony*, 839-843); also: “...wise Zeus, father of gods and men, by whose thunder the wide earth is shaken...” (Hesiod, *Theogony*, 457-458).

These parallels suggest that the Syro-Phoenician epic poems about Baal were quite widely known to the prehistoric Greek poets overall and that borrowings from those poems were commonly used in early Greek epic poetry.

Attention should also be given to the descriptions of Baal and Zeus as glorious storm-gods sitting atop of their beloved mountains with the attributes indicating their stormy powers:

“Baal sits like the base of a mountain;

Hadd se[ttles] as the ocean,

in the midst of his divine mountain, Saphon,

in [the midst of] the mountain of victory.

Seven lightning-flashes [],

eight bundles of thunder,

a tree-of-lightning [in his] ri[ght hand]...” (Ugaritic ‘*Hymn to Baal enthroned*’)³⁶, and “...the father of men and gods [= Zeus] came down from heaven, and sat him down on the peaks of many-fountained Ida; and in his hands he held the lightning” (*Il.* 11.182-184). Again, the Homeric passage seems to be a shorter version of or an excerpt from some prehistoric Greek poem about Zeus, which was composed as imitation of Syro-Phoenician hymns, if not of the particular one from Ugarit, describing the enthronement of Baal.

It should also be noted that in the Ugaritic myth, Baal’s enthronement over the world was preceded by

his devastating tour through the territory of which he intended to become the master:

“He travelled [from city to] city;

he went from tow[n to t]own.

He seized sixty-six cities;

seventy-seven towns.

Eighty Baal [smote],

ninety Baal [captured]”³⁷.

The echo of an earlier Greek poem, which described an analogous tour by Zeus, may be found in the strange lines of the *Iliad* 2.116-118 relating to Zeus: “...Zeus, supreme in might... has laid low the heads of many cities, yea, and shall yet lay low, for his power is above all.”

Furthermore, in terms of mythic genealogy, Baal is the son of the god Dagan³⁸ who was connected with harvesting and especially with grain in Phoenician religion³⁹. It is striking that in Greek mythology, *Ζεύς πατήρ*, originally a father-god born by nobody, became the *son of Kronos* (*Il.* 1.498, 502, and often⁴⁰), the deity provided with certain harvesting functions in Greek religion of historic time⁴¹.

In Syro-Phoenician mythology reflected in the poems of Ugarit, Baal is the divine lover and consort of the goddess Anat - “his sister”, “his father’s daughter”. It is tempting to consider that their relationship as siblings and spouses was mirrored in the character of the Homeric divine couple Zeus and Hera, who appear not only as husband and wife, but also as brother and sister, children of the same father Kronos⁴². The Ugaritic poems contain several love scenes involving Baal and Anat; one of these scenes closely resembles the episode of Zeus’ seduction by Hera in the Fourteenth Book of the *Iliad*. In both cases, there is the same prelude: the goddess beholds her divine partner sitting in the distance, on the top of a mountain. Then, the preparation follows: the goddess performs washing with sacred moisture and anointment with perfumed oil, and becomes beautiful and irresistibly desirable. After that, she appears in sight of her consort. The god, having noticed the approach of his spouse, suddenly feels a great desire for her; he recalls in his mind all his previous love affairs and admits that what he feels at this time is very special. The two scenes are described as follows: “...Zeus she [Hera] marked seated on the topmost peak of many-fountained Ida... With ambrosia first did she cleanse from her lovely body every stain, and anointed her richly with oil, ambrosial, soft, and of rich fragrance... Hera swiftly drew nigh to topmost Gargaros, the peak of lofty Ida, and Zeus, the cloud-gatherer, beheld her. And when he beheld her, then love encompassed his wise heart about... The son of Kronos

³⁵ Wyatt (1998) 108-109 (KTU 1.4.vii.13-14, 28-35); Parker (1997) 137.

³⁶ Wyatt (1998) 388-389 (KTU 1.101 R 1-4).

³⁷ Wyatt (1998) 108 (KTU 1.4.vii.7-12).

³⁸ Wyatt (1998) 128 (KTU 1.5.vi.24, and often).

³⁹ Black and Green (1992) 56: “Dagan was a West-Semitic corn god who came to be worshiped extensively throughout the Near East, including Mesopotamia. The original meaning of the name is unknown, but *dagan* is a common word in Hebrew and Ugaritic for ‘grain’, and according to one tradition the god Dagan was inventor of the plough.”

⁴⁰ *Κρονίδης* and *Κρονίων* are the most frequently used epithets of Zeus in the Homeric poems, see Dee (2001) 46-49.

⁴¹ In Athens and some other Ionian cities, Kronos was honored at a midsummer festival called *Kronia*, during which a sickle, the symbol of harvesting, was carried in a religious procession, see Bremmer (2008) 82.

⁴² However, it should also be taken into account the possibility that Zeus and Hera as brother and sister / husband and wife present a version of the common Indo-European myth about twins - brother and sister who commit incest and thereby become husband and wife, see more in Zolotnikova (2004).

clasped his wife in his arms...” (Il. 14.159-353); and “...she [Anat] set her face... towards Baal in the heights of Saphon... She drew water and washed herself, (with) dew of heaven, oil of earth, the rain of the Charioteer of the Clouds, dew which heaven poured on her, rain with which the stars anointed her... Valiant Baal lifted up his eyes... and saw, yes, he saw Virgin Anat, the loveliest among the sisters of Baal. The coming of his sister Baal saw, the approach of his father’s daughter...”⁴³. The particular Ugaritic version is preserved in fragments, and its ending is missing; however, it is more than likely that Baal and Anat had a passionate erotic union, as had Zeus and Hera in the analogous Homeric scene.

In the Ugaritic poems, Baal is equated with El in wisdom: these two gods have the exclusive knowledge of the most fundamental things, which, according to the Syro-Phoenician worldview, constitute the sacred mystery of the Universe. This exclusive knowledge is designated by the term *word* and includes:

“a word of tree and whisper of stone,
the sighing of the heavens to the earth,
of the deeps to the stars.

A word unknown to men,
and which the multitudes of the earth do not understand”⁴⁴.

Baal adds to this list his exclusive knowledge of the nature of storm; he declares:

“I understand the thunder [or lightning],
which the heavens do not know...”⁴⁵.

It is noteworthy that Baal declares himself as a god who has all that exclusive knowledge in a *message*, which he sends with his assistants to the goddess Anat in the episode of their love union discussed above: Baal, having beheld beautiful Anat and feeling desire for her, promises to reveal all his knowledge to her on his mountain, if she will come there for intimate moments with him:

“...I have a word that I would say to you,
a message that I would repeat to you...
[the full definition of Baal’s knowledge]
Come,
and I shall reveal it
in the midst of my divine mountain...”⁴⁶.

As it was mentioned above, Homeric Zeus, like Baal and El, was thought of as a god who knows everything and says “wise words”. The wisdom of Zeus is a quality inseparable from his very nature and is referred to quite often in the Homeric poems, but Homer gives only scanty details of it. Remarkably, when Thetis, the mother of Ahilleus, had to be encouraged in the last Book of the *Iliad*, Zeus sends to her his *messenger*, the goddess Iris, who tells her the following: “Rouse you, o Thetis. Zeus who knows the *eternal values* / *ἄφθιτα μῆδεα* is calling you” (Il. 24.88)⁴⁷. As it has been

argued elsewhere, the epic formula *ἄφθιτα μῆδεα* must be interpreted as “eternal fundamental principles, which determine the entire being”⁴⁸. Therefore, it seems possible to compare *ἄφθιτα μῆδεα*, or the “eternal values”, known by Homeric Zeus with those most sacred and important things, which knew Baal and El of the Ugaritic epic poems. Hence, it may be argued that a passage analogous to that mentioning the wisdom of Baal in the context of his divine union with the goddess Anat existed in prehistoric Greek epic diction; that passage was seriously modified by the time of Homer with the result its context was changed and Zeus’ knowledge of the most fundamental principles was expressed in one short phrase. In addition, it is tempting to find an echo of a prehistoric Greek phrase, which would have resembled the Ugaritic one referring to Baal’s exclusive knowledge - “I understand the thunder [or lightning]”, in the verse from the *Odyssey*: “...Zeus-hurler of thunderbolt, who knows well all things...” / “...Δία τερπικέρανον, ὁ γὰρ τ’ εὖ οἶδεν ἅπαντα” (Od. 20.75).

As regards the Phoenician divine structure, the epic poems of Ugarit seem to imply that El, despite the absolute sovereignty which he has in the pantheon, is passive, and the actual power over the world is exercised by the three gods – Baal, Yam, and Mot⁴⁹; those represent the three major divisions of the Ugaritic Universe – the stormy sky sending rains, the waters surrounding the earth, and the realm of the dead, respectively. It is difficult to deny that such an order is similar to that expressed in the Fifteenth Book of the *Iliad*, in the verses about the division of the power over the world between Zeus, Poseidon, and Hades:

“For we are three brothers whom Rhea bore to Kronos,

Zeus and myself [Poseidon] and Hades lord of the dead.

And all is shared out three ways: each has been apportioned his own domain.

I [Poseidon] got the grey sea to be my home,

When the lots were cast, Hades got the misty dark,

And Zeus got the broad heaven amid the air and clouds...” (Il. 15.187-192).

According to the concept that runs through all the Ugaritic poems, Baal’s excellence in battle and his remarkable bravery were the qualities, which determined his superior position in relation to all the other gods except El. In the most explicit manner, Baal is exalted as the “bravest” and “highest god” in the verses, which seem to have been borrowed from a religious hymn: “Our king is Valiant, Baal is our ruler [or lord], and there is none [who is] above him”⁵⁰. Homeric Zeus, too, shows the ability to face and to overcome any enemy: he is “mighty” - *ἔρισθενής* (Il. 13.54, 19.355, 21.184), “far the mightier”, “the bravest” - *πολὸν φέρτερος / πολὸν*

⁴³ Wyatt (1998) 76, 82, 156.

⁴⁴ Wyatt (1998) 45 (KTU 1.1.iii.13-15); Wyatt (1998) 78 (KTU 1.3.iii.23-25).

⁴⁵ Wyatt (1998) 78 (KTU 1.3.iii.26).

⁴⁶ Wyatt (1998) 78 (KTU 1.3.iii.21-29).

⁴⁷ The whole phrase is: “ὄρσο Θέτι: καλέει Ζεὺς ἄφθιτα μῆδεα εἰδώς.”

⁴⁸ Zolotnikova (2013) 25-26.

⁴⁹ Wyatt (1998) 140, note 103. The motif of the division of the world between three gods also occurs in Mesopotamian mythology and is recorded in the First Tablet of the epic poem *Atrahasis*, see the commentary in Laessøe (1956); also

<http://jewishchristianlit.com/Texts/ANEmyths/atrarah1.htm>.

⁵⁰ Wyatt (1998) 87 (KTU 1.3.v.32-33); Wyatt (1998) 100 (KTU 1.4.iv.43-44).

φέρτατος (Il. 1.581, 4.56, and often), “the mightiest of all” - κάρτιστος ἀπάντων (Il. 8.17 and 20.243), and “the most mighty” - ὑπερμενής (Il. 2.350, and often), while the idea of Zeus’ unchallengeable physical superiority over the other gods is basic for the divine order as presented in the Homeric poems. The formula “Zeus, the highest and best of gods” / θεῶν ὕπατος καὶ ἄριστος (Il. 19.258) and especially the words of Hera about Zeus: “...among the immortal gods he is supreme in might and strength and is manifestly the best” (Il. 15.107-108)⁵¹ seem to resemble closely the above-mentioned Ugaritic lines relating to *Valiant Baal*.

Conclusions

To summarize all the above, there are a significant number of close similarities between certain epithetic formulae, verses, and whole sections of the Homeric poems relating to Zeus and certain expressions and passages of the Ugaritic poems relating to El and especially to Baal; these similarities are observed in the choice of words, phraseology, and meaning. However, the Ugaritic passages seemingly reproduced in the Homeric ones are, as a rule, larger and may differ from the latter in context. Here, it must be emphasized that the Homeric poems are of a much later date than the poems of Ugarit and that about four hundred years separate these poetic compositions.

What does it mean?

It appears that the Homeric passages relating to Zeus and presenting resemblances with the Ugaritic passages relating to Baal and El are only scattered fragments, which remained from a much more voluminous prehistoric corpus of Greek poetry concerned with Zeus and created by analogy with the Near-Eastern epics about the main Syro-Phoenician gods.

It may be argued that during Mycenaean time, prehistoric Greek bards composed poems and hymns about Zeus using Syro-Phoenician, and Ugaritic in particular, poems about El and Baal translated into prehistoric Greek⁵². The Near-Eastern poems, including the poems of Ugarit, may have been translated into Mycenaean Greek language quite literally or may have been reproduced (re-told) in prehistoric Greek with varying degrees of accuracy, while the names of the Greek gods were used in the texts as translational equivalents of the names of Near-Eastern gods (probably, but not necessarily, based on maximum correspondence). During the Bronze Age, such a practice was common in the Near East and contributed significantly to the exchange of mythological and literary themes, motifs, and characters between different cultural traditions⁵³. In historic time, an analogous case is attested in Ancient Italy where the Latin authors translated Greek myths into Latin using the names of their own gods (and thereby substantially enriched Roman mythology). Due to this practice, many important passages of the Syro-Phoenician and other Near-Eastern epic and religious songs

must have become part of Mycenaean Greek poetry. Consequently, many Greek gods, as Zeus and Hera, became participants of the mythic scenes and whole myths, which were borrowed from various Near-Eastern mythic / epic cycles; thereby, at the poetic / epic / mythic level, Greek gods were provided with the epithets and characteristic features of the Near-Eastern gods whom they represented in the Greek versions of the Near-Eastern myths, even though their actual religious concepts did not imply those features and qualities. In order to reinforce this assumption, it should be referred to a scene, which was described in the epic cycle poem *The War of the Titans*, written probably by Eumelus in the eighth century BC, and in which Zeus appeared dancing: “Eumelus... somewhere introduces Zeus dancing; he says: ‘In the midst of them danced the Father of men and gods’ ” (Athenaeus, *The Deipnosophists*, 22c)⁵⁴. This strange episode, not alluded to elsewhere in preserved Ancient Greek literature, seems to have been a remnant of a prehistoric Greek poem that included lines relating to Zeus, borrowed from Phoenician poems, as, e.g., the Ugaritic *Rephaim Texts* and the *Poem of Akhat*: in the former, Baal appears as a dance participant; he plays lyre, flute, drum, and cymbals, and sings among the dancing; in the latter, Baal is described as playing music and singing “pleasantly” for a mortal man, to whom he bestows immortality⁵⁵. This Phoenician pattern seems to have been employed by early Greek poets in order to compose vivid descriptions of Zeus, but eventually it was broken in parts, each of which had a different life in Greek mythological poetry: the image of *dancing Zeus* would have appeared not exactly appropriate for the portrait of the *Father of gods and men* and vanished, while the miraculous ability of the supreme god to make a mortal man immortal must have continued to be attractive. Thus, a passage describing Zeus as having such an ability is found in the *Homeric Hymn (5) to Aphrodite* (218-222) - the goddess Eos begs Zeus to make Tithonos, a beautiful young man whom she fell in love with, immortal: “...golden-throned Eos... went to ask the dark-clouded Son of Kronos that he [Tithonos] should be deathless and live eternally; and Zeus bowed his head to her prayer and fulfilled her desire”.

Mycenaean direct borrowing from the Near-Eastern / Syro-Phoenician epic poems and religious hymns through their translation into prehistoric Greek would explain a remarkable number of parallels traced between Ancient Greek literature and the *Old Testament*, given that early Jewish literature, too, absorbed a large part of Syro-Phoenician / Canaanite religious and epic texts translated into Hebrew⁵⁶. Probably, the same prac-

⁵¹ In Greek: “...ἐν ἀθανάτοισι θεοῖσι κάρτεϊ τε σθένει τε διακριδὸν εἶναι ἄριστος.”

⁵² The opinion of M. Bachvarova that the use of Near-Eastern narrative traditions by the mainland Greeks and the Euboeans began as early as the eleventh century BC (Bachvarova (2016) 299) seems to be not quite correct.

⁵³ Metcalf (2015) 2, 6.

⁵⁴ “Εὐμηλος δὲ ὁ Κορίνθιος ἢ Ἀρκτίνος τὸν Δία ὀρχοῦμενόν που παράγει λέγων: μέσσοισιν δ’ ὄρχεῖτο πατὴρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε.”

⁵⁵ Shifman (1993) 301 (KTU 1.108.3-5), 312; Shifman (1993) 194 (KTU 1.17.vi. 30-32).

⁵⁶ West (1997) 90-91, 99-101.

tice underlay the presence of many elements of the Hittite and Hurrian epic / mythological traditions and even religious texts in Greek mythology and poetry⁵⁷.

To note, the Homeric poems contain information about contacts between Mycenaean kingdoms and Phoenicia: e.g., in the *Odyssey*, there is a mention of Menelaos' durable visit to Sidon (*Od.* 15.117-119), while Odysseus makes up a believable story about his visit to Phoenicia (*Od.* 14.288-292). A hoard containing Bronze Age Near-Eastern cylinder seals with representations of religious and mythological themes was found in Mycenaean Thebes (Boeotia)⁵⁸. There are considerable archaeological indications of Mycenaean presence in Phoenicia, precisely in Ugarit⁵⁹. Therefore, cultural contacts and exchange between Mycenaean Greece and Late Bronze Age Syria and Phoenicia, including the spheres of poetry, epos, and mythology, may be considered highly probable.

At this point, it should be clarified that if Greek *Ζεύς πατήρ* could easily be compared with Syro-Phoenician *El Father*, likening of Zeus, a god of the clear sky, to the storm-god Baal could be possible, provided that Greek prehistoric poetry had already made Zeus the *epic* Greek storm-god (the exact circumstances under which such a transformation of Zeus at the level of Greek epic poetry took place should be studied especially). However, this literary identification of Zeus with Baal, as it seems, had a tremendous impact on Greek mythology. Perhaps, it might be argued that Kronos as a divine figure appeared in Greek mythology because of the translation into Greek of the name of Baal's father Dagan, the Phoenician god of harvest: in terms of etymology, the name of Kronos was probably formed on the basis of the verb *κείρω* meaning "to cut (with a sickle)"⁶⁰, and it should be interpreted as "reaper". In other words, during the Mycenaean period, the Phoenician compound divine name "Baal, son of Dagan" may have been *translated* into prehistoric Greek as "Zeus, son of Kronos"; that prehistoric Greek poetic invention eventually generated the notion of a specific deity - Kronos, the father of Zeus, which became the basis for the genealogy of the Olympian family of gods (Hesiod, *Theogony*).

In the course of time, Greek oral tradition modified and re-interpreted the original passages borrowed and translated from the Near-Eastern / Syro-Phoenician epics in accordance with the preferences of the Greek audience and Greek religious imagery, which itself underwent changes. Many of those passages may have been re-used by post-Mycenaean Greek poets in different context and incorporated in newly emerged myths⁶¹. This process could already have started in Late Mycenaean time, when the Northern Mycenaean (Boeotian-Thessalian) epic tradition and language became

notably differentiated from the South-Mycenaean (Peloponnesian) epic tradition and language⁶². Perhaps, a substantial part of the original passages borrowed from the Syro-Phoenician epos and other Near-Eastern epic traditions was even lost during the Post-Mycenaean period and the Dark Age.

However, certain epithets and mythologems originally borrowed from the Near-Eastern, and in particular Ugaritic, poems were so firmly associated with Zeus by prehistoric Greek oral tradition that became inseparable from the image of this god for later generations of Greek bards and their listeners. Thus, epic Zeus, originally the father-god *Ζεύς πατήρ* personifying the clear sky, definitely became the son of Kronos and a mighty god of storm towards the Aeolian phase of epic (connected with the Dark Age); he was no longer imagined without his sister-and-wife Hera and his magnificent house on Mt. Olympos where he presided over the divine assemblies. Finally, the epic diction, adopting and adapting the Near-Eastern religious and mythological concepts, gradually returned to Zeus the supreme position among the Greek gods, despite the fact that the Late Bronze Age Greek pantheon was dominated by various female deities.

References

1. Bachvarova, M. (2016) *From Hittite to Homer. The Anatolian Background of Ancient Greek Epic*. Cambridge.
2. Black, J. and Green, A. (1992) *Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia. An Illustrated Dictionary*. London, British Museum Press.
3. Boëlle, C. (2004) *Po-ti-ni-ja: l'élément féminin dans la religion mycénienne: (d'après les archives en linéaire B)*. Nancy.
4. Bremmer, J.N. (2008) *Greek Religion and Culture, the Bible and the Ancient Near East*. Brill.
5. Clay, A.T. (1923) *The Origin of Biblical Traditions. Hebrew Legends in Babylonia and Israel*. London.
6. Dee, J.H. (2001) *Epitheta Deorum apud Homerum. The Epithetic Phrases for the Homeric Gods*. Hildesheim, Zurich and New York.
7. Frankfort, H. (1939) *Cylinder Seals. A Documentary Essay on the Art and Religion of the Ancient Near East*. London.
8. Gamkrelidze, Th.V. and Ivanov, V.V. (1995) *Indo-European and the Indo-Europeans. A Reconstruction and Historical Analysis of a Proto-Indo-European Language and a Proto-Indo-European Culture. 2 volumes*. Berlin and New York.
9. Hawkins, J.D. (2011) The inscriptions of the Aleppo temple. *Anatolian Studies* 61, 35-54.
10. Hooker, J.T. (1967) Homeric nominatives in –ta. *Glotta* 45, 14-23.

⁵⁷ See more on this subject in Bachvarova (2016); also in Puhvel (1991).

⁵⁸ Porada (1981/1982).

⁵⁹ Schaeffer (1949) plates 34-38 - examples of Mycenaean pottery found in Ras Shamra-Ugarit.

⁶⁰ Janda (2010) 54-56.

⁶¹ For example, the Phoenician/Ugaritic myth about Baal and Litan, "the wriggling serpent", whom Baal smote in a battle

(Wyatt (1998) 115 (KTU 1.5.i.1-3)), may have contributed to the formation of the myth about Zeus and his adversary Typhoeus / Typhaon, the god of severe winds (Homer, *Iliad*, 2.781-783; Hesiod, *Theogony*, 820-880), who was imagined as either a hundred-headed dragon or a coiling snake, see Touchefeu-Meynier (1997).

⁶² West (1988) 159-165; Zolotnikova (2013) 2.

11. Jacobsen, Th. (1968) The battle between Marduk and Tiamat. *Journal of the American Oriental Society* 88.1, 104-108.
12. Janda, M. (2010) *Die Musik nach dem Chaos: der Schöpfungsmythos der europäischen Vorzeit*. Innsbruck.
13. Laessøe, I. (1956) The Atrahasis epic: a Babylonian history of mankind. *Bibliotheca Orientalis* 13, 90-102.
14. Leukart, A. (1994) *Die Frühgriechischen Nomina auf -tas und -as*. Vienna.
15. Metcalf, Chr. (2015) *The Gods Rich in Praise. Early Greek and Mesopotamian Religious Poetry*. Oxford.
16. Özguç, N. (2006) *Kültepe-Kaniş / Neşa. Seal Impressions on the Clay Envelopes from the Archives of the Native Peruwa and Assyrian Trader Usur-ša-Ištar Son of Aššur-umittī*. Ankara.
17. Parker, S. (Ed.) (1997) *Ugaritic Narrative Poetry*. Atlanta.
18. Penglase, C. (1994) Greek Myths and Mesopotamia. Parallels and Influence in the Homeric Hymns and Hesiod. London and New York.
19. Pokorny, J. (1959) *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. 2 volumes*. Bern.
20. Porada, E. (1981/1982) The cylinder seals found at Thebes in Boeotia. *AfO* 28, 1-70, 77-78.
21. Pritchard, J.B. (1969) *The Ancient Near East Supplementary Texts and Pictures Relating to the Old Testament*. Princeton.
22. Προμπόνάς, Ι. (1980) *Η Μυκηναϊκή Ποίηση με Βάση τα Μυκηναϊκά Κείμενα και τα Ομηρικά Έπη*. Athens.
23. Puhvel, J. (1991) *Homer and Hittite*. Innsbruck.
24. Schaeffer, Cl.F.-A. (1939) *The Cuneiform Texts of Ras Shamra – Ugarit. The Schweich Lectures of the British Academy, 1936*. London.
25. Schaefer, Cl. F.-A. (1949) *Ugaritica II*. Paris.
26. Shifman, I.Sh. (1993) *The Epos of Ugarit (in Russian: Узаритский Эпос). Russian Translation from Ugaritic and Commentary*. Moscow.
27. Smith, M.S. and Pitard, W.T. (2009) *The Ugaritic Baal Cycle. Volume II. Introduction with Text, Translation and Commentary of KTU / CAT 1.3-1.4*. Brill.
28. Tiverios, M. (1997) Zeus. Early time to 5th century BC. In: *LIMC*, v.8. Zürich and Düsseldorf, pp.315-338.
29. Touchefeu-Meynier, O. (1997) Typhon. In: *LIMC*, v. 8. Zürich and Düsseldorf, pp.147-151.
30. Vivante, P. (1982) *The Epithets in Homer. A Study in Poetic Values*. New-Haven and London.
31. West, M. (1988) The rise of Greek epic. *JHS* 108, 151-172.
32. West, M. (1997) *The East Face of Helicon: West Asiatic Elements in Greek Poetry and Myth*. Oxford.
33. Wyatt, N. (1998) *Religious Texts from Ugarit*. Sheffield.
34. Zolotnikova, O. (2004) Zeus and Hera. The love between brother and sister: the Indo-European backgrounds of the myth and cult (on the basis of the *Iliad* 14.153-353). In: *The 1st International Symposium on "Eros in Ancient Greece"*. Delphi, 19-21 September, 2003. *Symposium Proceedings*. Athens, pp.59-69.
35. Zolotnikova, O. (2013) Zeus in Early Greek Mythology and Religion, BAR International Series 2492. Oxford.

РОССИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ: ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ СИЛЫ

Иванов Л.П.

студент Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова

RUSSIA IN THE CIVIL WAR: POWER AND SOCIAL FORCES

Ivanov L.

Student of North-Eastern federal university in Yakutsk

Аннотация

Гражданская война 1917-1922 гг. — огромный пласт истории нашей страны, трагическая эпоха кровавой междоусобицы, исполненная драматизмом ожесточённой борьбы, период идейного противостояния различных организаций и социальных групп, на долгие годы изменивший путь социально-экономического, политического и духовного развития России и оказавший заметное влияние на мировые процессы в XX веке. В ходе Гражданской войны в России столкнулись, с одной стороны, партия большевиков - радикально-социалистическая, 25 октября/7 ноября 1917 г. захватившая власть в стране, и множество группировок, различавшихся по своей социальной опоре, идейно-политическим взглядам, целям и методам борьбы с большевиками, с другой. В условиях глубочайшей социально-экономической катастрофы, пережитой страной в тот период, в обществе резко обострились все социальные и политические противоречия, что придало гражданской войне массовость, ожесточённость и длительность. Раздробленные антибольшевистские силы не смогли противостоять большевикам и потерпели поражение.

В современном мире гражданские войны не только не прекратились, но имеют не менее ожесточённый характер. Это повышает значимость исследований проблемы причин поражения сил, участвовавших в гражданской войне начала XX в., являющейся составной частью глобальной проблемы существования государства в кризисных условиях, представленной в работе на примере анализа конкретных условий Гражданской войны в России 1917-1922 гг.

Abstract

Civil War 1917-1922 - a huge layer of the history of Russia, the tragic era of bloody civil strife, filled with drama of a fierce struggle, a period of ideological confrontation between various organizations and social groups, for many years changed the way of socio-economic, political and spiritual development of Russia and had a noticeable impact on world processes in the 20th century. During the Civil War in Russia, on the one hand, the Bolshevik party clashed - the radical socialist party that seized power in the country on October 25 / November 7, 1917, and many groups that differed in their social support, ideological and political views, goals and methods struggle with the Bolsheviks, on the other. In the conditions of the deepest socio-economic catastrophe experienced by the country at that time, all social and political contradictions sharply aggravated in society, which gave the civil war massiveness, fierceness and duration. The fragmented anti-Bolshevik forces could not resist the Bolsheviks and were defeated.

In the modern world, civil wars not only did not stop, but they are no less fierce. This increases the importance of studies of the problem of the causes of the defeat of forces participating in the civil war of the beginning of the 20th century, which is an integral part of the global problem of the existence of the state in crisis conditions, presented in the paper as an example of an analysis of the specific conditions of the Civil War in Russia 1917-1922.

Ключевые слова: Гражданская война, революция, большевики, власть, история.

Keywords: civil war, revolution, Bolsheviks, power, history.

Ревизионистская историография делала главный упор на подтверждении законности большевистского правления. Гражданская война в России истолковывается ею как война между красными и белыми. Между тем, войска коммунистического режима воевали не только с белыми. Упускается при этом такой фактор, как движение Зелёных, или та роль, которую играли социалистические партии на территории как красных, так и белых. Выпадают из поля зрения также действия тех и других против нерусских народов.

Важно осмыслить ход гражданской войны как взаимодействие всех этих социальных групп.

Хронология гражданской войны. Большинство историков принимают официальную советскую хронологию гражданской войны, согласно которой она началась в июне 1918 г. мятежом эсеров на Волге и закончилась разгромом Врангеля в ноябре 1920 года. Тем самым борьба на линии фронта отождествляется с гражданской войной. Такая искаженная хронология была изобретена, чтобы затушевать значительно более важную и длительную гражданскую войну большевиков с крестьянами.

Хронологию же гражданской войны можно представить в виде трех крупных периодов:

1918 был годом распада империи. То был период местных и областных суверенитетов и появления республик наподобие Калужской. Большевистское правительство России в 1918 контролировало лишь небольшую часть территории, однако оно заявило о желании править всей страной после роспуска Учредительного собрания. Главными противниками большевиков в 1918 были не Белые или Зелёные, а социалисты.

В этот период крестьяне, разделив землю, игнорировали политическую борьбу, которую вели между собой партии и правительства. Однако учреждение большевиками комбедов [комитеты бедноты] вызвало первые вспышки крестьянского сопротивления. На насаждение «коммунистических отношений» в деревне крестьяне ответили сопротивлением.

1919 – год Белых. Белым удалось действовать успешно в результате крестьянских восстаний в

районах, удерживаемых большевиками. Осенью 1919 создавалась противоположная обстановка. Крестьяне, восставшие на территории, подвластной белым, прокладывали путь красным. На территориях, занятых большевиками или белыми, крестьяне вели войну с властями. Зелёные не хотели воевать ни за большевиков, ни за белых.

Третий период (1920-1921) был временем Зелёных. Чем меньшая угроза исходила от белых, тем с большей решимостью большевики насаждали свою власть в деревне. К концу 1920 «география и масштабы крестьянских выступлений расширяются. Кроме Украины и Сибири, они вспыхивают на Юго-Востоке, в Тамбовщине и в других регионах...». Крестьянская война 1920-1921 гг. являлась по сути прямым следствием большевистского политического курса с его трудовой и гужевой повинностью, кампанией по введению посевных комитетов и вообще всем тем, что позднее было названо военным коммунизмом.

Внешний и внутренний фронты. Хотя все конфликты и боевые действия 1917-1921 гг. привычно именуется гражданской войной, фактически в то время имели место несколько переплетающихся разновидностей войны. Гражданская война на внешнем и внутреннем фронтах. Война на внешнем фронте претендовали на власть над определенной территорией, обладали войсками, государственным аппаратом и администрацией. Это была гражданская война внутри российского общества.

Но была война красных и белых против населения на тех территориях, где они претендовали на власть. Война коммунистического и белых правительств против Зелёных. Целью правительств было повсеместное утверждение своей власти, а со стороны крестьян – это была война против отбирания зерна на территории красных и против возврата помещичьего землевладения на территории белых.

По словам одного из историков, гражданская война в России шла за землю и власть. С этой точки зрения крестьяне сражались против отношений собственности и устройства власти красных и белых.

В 1921 Чека расправилась с остатками оппозиционных партий путём казней, концлагерей, высылки. Для достижения своих целей большевики использовали государственные органы: армию, НКВД, агентов-provokatorov и т.п. Структуры, предназначенные для обеспечения благополучия всех граждан, были употреблены в интересах одной партии.

Война, проводившаяся режимом Белых против их внутренних оппонентов, была по характеру такой же, но отличалась по своей природе и являлась меньшей по масштабам, чем у красных. Разница между белыми и красными на внутреннем фронте состояла в том, что правительство Ленина использовало террор в качестве метода социального строительства. Белые же не вынашивали планов преобразования российского общества, а лишь стремились уберечь его от разрушения, как они утверждали, и покарать тех, кто повинен в этом.

Разрушались традиционные связи и сообщества, насаждались новые. Крестьяне являлись теперь кулаками, середняками и бедняками, а не просто крестьянами. Одних полагалось убивать, других взять на учёт, одних заставить смириться, а другим дать возможность править соседями в качестве агентов центра. И рабочих подразделили на пролетариев потомственных, сознательных и т.д. – и наёмников буржуазии, мелкобуржуазных примиренцев и т.д.

Белое движение. Важнейшим аспектом гражданской войны является то, что она изменила саму природу главных её участников. Полевая гражданская война сформировала Белое движение. Оно начиналось как порыв убеждённых и храбрых офицеров, которые сражались против коммунистов. Они именовывали себя добровольцами, движимыми благородными идеями патриотизма. Однако в разгар гражданской войны Белое движение стало гораздо более нетерпимым, шовинистичным и антисемитским, чем вначале.

Слабость Белого движения в том, что не удалось стать объединяющей национальной силой. Оно оставалось почти исключительно движением офицеров, лишённым какой-либо социальной базы. Оно не смогло наладить сотрудничество с кадетами, эсерами и меньшевиками. Белые подозрительно относились к рабочим и мстительно – к крестьянам. Они не смогли привлечь на свою сторону украинцев и казаков единством общих целей.

Кадеты. Если белое движение не смогло сплотить антибольшевистские силы, то кадетской партии не удалось возглавить белое движение. Её в общегосударственной политике во время гражданской войны была незначительной. Кадеты были далеки от большинства народа; от рабочих и крестьян их отделял культурный разрыв. Большинство кадетов русская революция представлялась как хаос, бунт, пугачёвщина или Смутное время. Они тоже добивались воцарения нрава и порядка путём насилия.

Партия социалистов-революционеров. Эсеры – крупнейшая в России, единственная массовая и действительно российская партия, опиравшаяся не

на иностранную, а на народническую идеологию. Для крестьян же это была партия интеллигентская. Её сила заключалась в численности, что могло иметь большое значение в избирательной кампании. Слабость её состояла в распыленности самой партии и социальной базы. Враждующие фракции опирались на различные слои крестьянства. Консервативные элементы в партии были связаны преимущественно с кооперацией, земством и другими преуспевающими элементами деревни. Более радикальное крыло эсеров выражало мнение менее состоятельных слоев крестьянства.

Меньшевики. Для меньшевиков гражданская война оказалась наиболее губительной. Эта политическая партия выступала в защиту интересов рабочих, но почти полное исчезновение рабочих как определённой общественной группы подорвало социальную базу социал-демократов. Серьёзное значение имело отчуждение интеллигентского руководства от массы рабочих.

Большевики. Большевики полагали, что они являются партией пролетариата. Большевистская партия в 1917 сначала выступала как радикальная революционная партия, ориентированная на рабочих. Власть она захватила, опираясь на солдат и матросов. В начале 1918 эта партия утратила львиную долю голосов рабочих, полученных ею осенью 1917. К середине 1919-1919 она превратилась в правительственную партию меньшинства, орган военно-промышленной мобилизации, контролирующей государственный аппарат, готовый выживать путём массового террора.

К середине 1918 большевистская партия уже не являлась политической партией в старом смысле этого понятия, так как больше не выражала интересов какой-либо социальной группы; она набирала своих членов из многих социальных групп. Бывшие рабочие, солдаты, крестьяне или чиновники, став коммунистами, превратились в новую социальную группу со своими собственными правами. Их статус в обществе, их материальное положение, хлебный паёк, привычки, доступ к привилегиям и власти и законы, которыми регулировалось их поведение, отделяли их от остального общества. Коммунистическая партия превратилась в самопополняющийся и самоподдерживающийся военно-промышленный и административный аппарат.

Зелёные. Их движение являлось самым многочисленным из всех партий и движений в гражданской войне. Это было действительно народное движение, охватившее сотни тысяч крестьян. Зелёные защищали только свои селения. Их политические устремления дальше этого не шли. Крестьяне не могли победить, потому что они никогда не стремились овладеть государством. Идеи, подобные Свободе и Демократии, понимались крестьянами как «воля», - свобода от государства, от каких-либо обязательств перед кем-либо.

Такие понятия как демократическая республика, парламент, интернационализм, социализм или марксизм были непонятны крестьянству.

Характер крестьянской войны. Суть крестьянского восстания состояла в освобождении от всякой

власти. Для большевистских карательных отрядов это означало делать всё что угодно во вражеской стране: жечь, крушить, убивать в «бандитских гнёздах». Для зелёных это означало свободу уничтожить чужаков, посторонних на их родной земле.

Военная победа. Во время гражданской войны в России все политические партии, большевики, генералы, повстанческие штабы, эсеры пытались безуспешно подчинить себе крестьянское движение. Партии проводили общегосударственную политику, а крестьяне не поднимались до осознания общегосударственных интересов, замыкаясь в местных.

Одной из причин того, что крестьянское движение не одержало победы, несмотря на свой размах, было то, что ни один из вождей зелёных не предпринимал действий за пределами ближайших местностей.

Русским крестьянам не доставало политической сознательности – им было все равно какая форма правления в России. Они не дорожили парламентом, свободой печати и собраний. Они удовлетворились экономическими уступками. То, что большевистская диктатура выдержала испытание гражданской войной, можно рассматривать не как выражение народной поддержки, а как проявление политической отсталости русского крестьянства и большинства народа.

Трагедия российского общества заключалась в отсутствии взаимосвязанности, взаимопонимания между его различными частями.

Кто победил? Кто побеждён? В западной историографии окончание гражданской войны и введение НЭПа обычно противопоставляют по смыслу. С одной стороны, гражданская война окончилась победой красных, с другой – большевикам пришлось отступить к НЭПу. С точки зрения обстановки 1922 г., крестьяне победили. Крестьяне могли вести хозяйство, торговать и устанавливать свои порядки в пределах деревни при минимальном вмешательстве коммунистов. Именно за это крестьяне и воевали. Своих, ограниченных целей войны они достигли. НЭП был их победой и поражением коммунистов.

Наследие. Оставленное гражданской войной наследие гораздо важнее, чем вопрос, кто победил. Большевики решили взять под контроль не только поставки зерна в размере планового задания, но и сам процесс его производства. В последующие десятилетия происходила постепенная декрестьянизация России, неуклонное обнищание деревни и её запустение.

Заключение

Отношения советской власти с культурой, её строительством и созданием в новом обществе, были непростыми. Особенно с носителями и создателями культурных направлений интеллигенцией. В переломное время с наибольшей силой проявляются характерные и необходимые для интеллигенции черты: общественная тревога и озабоченность судьбами Отечества, стремление к нравственному сопереживанию делам народным.

Общество, имевшее ярко выраженную антизападную ориентацию, нуждалось в другой интеллигенции. Старая российская интеллигенция проповедовала преимущественно европейские традиции, поэтому её судьба и оказалась предreshённой: либо её представители примут новые ценности, либо будут уничтожены. В рамках новой системы они существовать не могли, они разрушали её фактом своего существования. Однако на первых порах обойтись без старой интеллигенции к сотрудничеству с советской властью, использования так называемых «спецов» под жестким контролем государства.

Одновременно уже в годы гражданской войны развернулся процесс создания новой интеллигенции, которая была призвана обслуживать общество на новом этапе. Создавались высшие учебные заведения, которые готовили новую интеллигенцию, исповедующую социалистические ценности.

К концу 1930-х годов необходимость в старых спецах практически отпала. К этому времени новые пополнения интеллигенции, подготовленные за годы Советской власти, составили 80-90% от общей численности этого социального слоя. Интеллигенция стала однотипной в социально-экономическом и идейно-политическом отношении. Новая интеллигенция вступила в общественную жизнь. Она была воспитана в других традициях по сравнению со старой российской интеллигенцией.

Список литературы

1. Справочная и энциклопедическая литература Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2-е. М., 1953-1954. Т. 18. Т. 28. Политические партии России: конец 19-первая треть 20 веков. Энциклопедия. М., 1996. Политология. Словарь-справочник. М., 2001.
2. Из истории Гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов в 3-х т. 1918-1922. М., 1960. Т. 1.с
3. Революция и Гражданская война в описаниях белогвардейцев. Сост. С.А. Алексеев. М., 1991.
4. Энгельгардт Б.А. Потонувший мир. Воспоминания // Военно-Исторический Журнал. 1964. № 1. с. 70-81; № 5. с. 71-85; № 8. С. 75-84; № 9. С. 70-80; № 10. С. 75-87.1. Список использованной литературы Отечественная литература Монографии, коллективные труды.
5. Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма. (Борьба партии большевиков против анархизма. 1917-1922 гг.). М., 1974.
6. Антонова Н.С. Документы интернационалистических социал-демократических организаций. 1917-1922. / По материалам фондов ЦК РСДРП/и-ЦК РСРП/и/Вопросы истории КПСС. 1989. № 11.С. 89-117.
7. Голиков Д.Л. Разгром очагов внутренней контрреволюции в Советской России. Документальный очерк // Вопросы истории. 1967. № 12. С. 131-144; 1968. № 1. С. 133-149; № 2. С. 148-165.
8. Литвин А.Л. «В борьбе обретёшь ты право своё.» Судьба самой многочисленной партии в России. (ПСР) // Наука и жизнь. 1991. № 3. С. 20-26.

ОСОБЕННОСТИ МИФОЛОГИЗАЦИИ АНТИСОВЕТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ИСТОРИЯ РЕПРЕССИРОВАННОГО С.Е. БАРВИНСКОГО (УСИКА)

Скус О.В.

*кандидат исторических наук,
доцент (Уманский государственный педагогический университет
имени Павла Тычины, г. Умань, Украина)
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5063-451X>
Researcher ID: D-7651-2019*

FEATURES OF THE MYTHOLOGIZATION OF ANTI-SOVIET ACTIVITY: THE HISTORY OF THE REPRESSED S.E. BARVINSKY (USYK)

Skus O.

*Ph.D. (History),
associate professor of History of Ukraine Chair,
Pavlo Tychyna Uman State Pedagogical University,*

Аннотация

Духовный поводырь народа – интеллигенция подверглась наиболее разрушительного воздействия во время масштабных политических репрессий в конце 1920-х – в течение 1930-х гг. Было уничтожено мощный интеллектуальный потенциал украинского народа, а «новая советская» интеллигенция использовалась как идейный инструмент в воспитании классового общества с политическим стереотипным сознанием. В статье отражены результаты исследования жизненного пути репрессированного НКВД в начале 1930-х гг. Директора Уманского плодоягодного института – Степана Евтихиевича Барвинского (Усика). На основе анализа архивно-уголовного дела установлено активную партийную работу с 1919 г., Однако во время «чисток партии» в 1933 году. Он был обвинен в антисоветской деятельности и арестован НКВД.

Abstract

The spiritual leader of the people - the intelligentsia was most devastatingly influenced by large-scale political repression in the late 1920s - during the 1930s. consciousness. The powerful intellectual potential of the Ukrainian people was destroyed, and the "new Soviet" intelligentsia was used as an ideological tool in the upbringing of a class society with political stereotypical consciousness. The article highlights the results of the study of the life path of the repressed NKVD in the early 1930's by the director of the Uman Fruit and Vegetable Institute – Stepan Eutychievych Barvinsky (Usyk). On the basis of the analysis of the archival-criminal case, active party work was established since 1919, but during the "purges of the party" in 1933 he was accused of anti-Soviet activity and arrested by the NKVD.

Ключевые слова: политические репрессии, С. Барвинский (Усик), обвиняемый, следствие, уголовное дело.

Keywords: political repressions, S. Barvinsky (Usyk), accused, investigation, criminal case

Несмотря на многочисленность имеющихся научных, публицистических и документальных изданий, уровень заинтересованности в исторических исследованиях политического террора в Украине XX в. возрастает. Поиск путей модернизации культурного пространства сопровождается переосмыслением исторических событий, повлиявших на процессы формирования украинской нации. В связи с этим, используем биографический подход исторической памяти для предоставления индивидуального характера исследованию и раскрытию трагического дискурса украинской истории.

Речь идет о репрессированных представителях интеллигенции Умани, среди длинного и еще неполного списка которых значительную часть занимают педагоги и ученые. Среди них – Барвинский (Усик) Степан Евтихиевич, который в начале 1930-х гг. занимал должность директора Уманского плодоягодного института (ныне – Уманский национальный университет садоводства) [11, с. 10–11]. С. Барвинский родился в 1891 г. в с. Буцин Ковельского уезда на Волыни (ныне – Польша) [4]. Как он сам отмечает в автобиографии, его родители были

«бедными, неграмотными крестьянами, которые имели полдесятины приусадебной земли» [1]. Оставшись в пятилетнем возрасте без отца, закончил сельскую трехлетнюю церковно-приходскую и двухклассную земскую школу. С 12 лет работал наемным работником в помещичьей экономике на полевых и садово-огородных работах. В течение года служил у лесника удельного ведомства Волынской губернии, где получил опыт лесоразработки и огородничества.

С 1910 г. С. Барвинский занимается ремонтными работами на железной дороге в г. Ковеле. Знакомится с нелегальной политической литературой, участвует в дискуссиях молодежного рабочего кружка. Его членом, в том числе и С. Барвинского преследует жандармерия и следствием становится увольнение с работы. Впоследствии, в 1912 г. С. Барвинский переезжает в Киевскую губернию (с. Христиновка, ст. Звенигородка, Уманский район), пытаясь избежать военной службы и преследований царской охранки. Наконец, из-за последних, пришлось пойти в армию, где пробыл с 1915 г. до

сентября 1917 г. На протяжении шести месяцев служил рядовым, закончил трехмесячные курсы военных телефонистов. Далее служит телефонистом в штабе полка. После шестимесячного обучения на военных метеорологических курсах год пробыл наблюдателем на метеорологической станции, получил звание ефрейтора.

По возвращении с военной службы находился у родителей своей жены (Монастырищенский район) и участвовал в сельской земкомиссии, распределяя помещицью землю между крестьянами. За это преследовался экспедиционными отрядами Гетманщины и поэтому переехал в г. Умань. В 1919 г. С. Барвинский вступает в партию Уманской организации под фамилией Усик и устраивается экспедитором Ревкома, позже работает в Информотдела. Как указано в автобиографии, к революционной деятельности и политической работе «впервые приступил на фронте, во время империалистической войны – читал «Окопную правду» и другую политическую литературу среди солдат-связистов» [1].

Как показал анализ архивно-уголовного дела, во время отступления большевиков в августе 1919 г. в период наступления Деникина, С. Барвинский (Усик) был оставлен секретарем парткома (Казак-вым) для подпольной работы в распоряжение руководителя подполья Карпинского. 27 ноября 1919 г. был арестован деникинской контрразведкой и заключен на 33 суток в Уманской тюрьме. В последствии С. Барвинский (Усик) заболел тифом и был переведен под конвоем в военный госпиталь, откуда ему удалось бежать.

После окончательного установления советской власти на Уманщине, С. Барвинский (Усик) выполнял специальные поручения на Губсудовых сессиях. Представлял сторону обвинения, по партийной линии проверял знания и состояние сельских партийных организаций, проводил ревизии в Окружных советских и кооперативных учреждениях и др. В 1923 г. С.Е. Барвинский (Усик) политпроверкой был зачислен к 2-й категории с выводами относительно склонности работать в сельскохозяйственной кредитной кооперации, лесничестве и судебных учреждениях.

В течение 1932-1933 гг. С. Барвинский (Усик) занимал должность директора Уманского плодоягодного института. Во время «чистки» кадров, был обвинен во вредительстве, устройстве на работу в институт и в совхоз «вражеских классовых элементов, расстановке их на ответственные участки». На С. Барвинского (Усика) завели дело, в протоколе Уманской районной комиссии чистки партии, организации Уманского плодоягодного института отмечалось следующее: «Барвинский (Усик) вступил в партию с целью провокаций, выдал Уманскую подпольную организацию коммунистов, которые были расстреляны деникинской контрразведкой. С приходом большевиков Барвинский-Усик оформляется как член партии-подпольщик по фамилии Барвинский и скрывает до момента чистки, что он имеет фамилию Усик. В должности директора института он занимался вредительством. Продукты массово

разворовывались, вывозились партиями Наркомзема в облздрав, в результате чего материальная база института была подорвана. В институте были контрреволюционные проявления, как случаи выкалывание глаз вождям на портретах, срывание лозунгов и плакатов, выступали против Сталина и т.п. Барвинский-Усик занимался притеснениями, буквально терроризировал наиболее активных коммунистов, выступавших против беспорядков, которые происходили в институте» [2]. На основе вышеизложенного комиссия постановила С. Барвинского (Усика), как «предателя, провокатора-вредителя исключить из партии», а его дело передать на рассмотрение следственным органам.

Кроме того, этой комиссией во главе с председателем Мулерес проводилась так называемая самопроверка партийной работы в институте, результатом которой стал вывод о неудовлетворительной работе партийной ячейки заведения. Раскритиковали учебную и научно-исследовательскую работу, в частности указывали на «... засоренность программ и отдельных дисциплин буржуазно-идеалистическими концепциями, игнорирование материалистической диалектики и искажения взглядов классиков марксизма», «... методологические основы научно-исследовательского процесса не возвышенные на принципиально-теоретическую высоту, особенно по комплексной обработке тем» [3, л. 9]. В общем, такие события в начале 1930-х гг., в условиях «социалистической реконструкции сельскохозяйственного производства», происходили во всех образовательных и научно-исследовательских учреждениях страны. В неудачах, слабом материальном положении, невыполнении первого пятилетнего плана развития народного хозяйства УССР, обвиняли прежде всего ученых.

В обвинительном акте по делу о инкриминировании бывшему директору Уманского плодоягодного института С. Барвинскому (Усику) осуществления преступных действий предусмотренных ст. 54-13 УК УССР указано следующее: «Дело возникло на основании данных, поступивших в Уманское РО ГПУ о том, что бывший директор Уманского плодоягодного института, бывший член КП(б)У, вычищен из партии при чистке в 1933 г., С.Е. Барвинский (Усик), будучи оставленным в 1919 г. партийным руководством г. Умани для подпольной работы при деникинцах, выдал их контрразведке ряд партийцев-подпольщиков, которые были контрразведкой расстреляны» [5, л. 280].

Осуществленным по делу следствием было установлено: «Вернувшись из империалистической войны на Уманщину, Усик-Барвинский будучи владельцем ресторана в г. Умань, периодически посещал деревни Новоселка-Умановка и Княжую-Креницу Монастирищенского района, где проживали родственники его жены Янишевский. Бывая в этих селах в годы гражданской войны, в период обостренной борьбы политических банд с советскими частями, будучи по убеждениям петлюровцем, он среди крестьян проводил агитацию против советской власти и призывал их к вооруженной борьбе с ней. Занимая определенное положение в

петлюровских кругах, Усик-Барвинский в то же время был связан с активно действующим тогда на Уманщине бандой Осауленко через активного участника этой банды Крушлинского. Последнюю встречу и деловой разговор о деятельности банды он имел после разгрома банды и отступления ее из-под Умани от наступающего советского отряда. Изложенный факт о встрече Усика-Барвинского с Крушлинским подтверждает, что указания «идейного руководства» банда получала от первого. В период оперирования банды Осауленко Усик-Барвинский своему тестю Янишевскому привозил различные предметы и вещи, которые продавали на базарах его теща и жена. Эти факты подтверждены показаниями свидетелей: Крушлинского Моисея Трифоновича, Ротаенко Антона Павловича, Хливного Степана Самойловича, Хоменко Игната Трофимовича, Фельдверга Хаима Пинхосовича, Трояновского Михаила Антоновича, Тычинина Михаила Григорьевича.

После разгрома основных сил Петлюровщины и восстановления советской власти на Уманщине, скрывая различными путями свою причастность к петлюровщине, Усик-Барвинский устроился на работу в советские органы, а позже вступил в компартию, изменив в то же время свою настоящую фамилию Усик на Барвинский. Юридически оформил только в 1925 г. В 1919 г. во время эвакуации партийных и советских организаций из г. Умани из-за наступления денкинцев, он из города не уезжает, остается по личным соображениям и добивается получения от бывшего секретаря парткомитета Козакова задачи в подполье. Устроился при содействии своего родственника, бывшего петлюровца Горячковского Александра Имануиловича в военный госпиталь. Работая военкомом, он вместе с Горячковским, который в то время находился в его распоряжении, грабили госпитальное имущество. В результате ограблений госпиталь был сожжен явно с целью сокрытия совершенных преступлений. Через 2 месяца он был арестован денкинской контрразведкой и передал ей явку подполья через провокатора Пичневич. Изложенные данные подтвердили ряд свидетелей (Скоробреха, Дидур, Валевич, Портной, Ленна, Поляруш, Загородний). После отступления денкинцев С. Барвинский-Усик явившись в партийный комитет, встал на учет как партиз, который не имеет соответствующих документов. Позже оформляется в партии и получает назначение на ответственные работы. Занимая в 1922–1924 гг. в г. Умани ответственные посты, Барвинский-Усик пользовался доверием в антисоветских кругах и способствовал отдельным представителям скрывать свое прошлое. Заняв в 1932 г. должность директора Уманского плодоягодного института, Барвинский-Усик начал принимать в институт и группировать вокруг себя классово враждебных элементов. Он устроил к себе на работу своего шурина, петлюровца Янишевского и других. В то же время всячески терроризировал и пытался выжить из института партийцев. Он своим руководством довел институт до предела разрухи, а

также нанес ему значительный материальный ущерб» [5, л. 282].

В дальнейшем, в ходе предварительного следствия С. Барвинский (Усик) свидетельствовал, что за несколько дней до окончания эвакуации, бывший председатель Ревкома Ковган дал ему деньги и ведомости на выдачу сотрудникам зарплаты. В качестве свидетеля этого факта он назвал бывшего бухгалтера Ревкома Волоха, который «во время допроса и очной ставки с Барвинским (Усиком), категорически отрицал этот факт и утверждал, что деньги сотрудникам выдавались только при его, Волоха непосредственного участия» [5, л. 283]. Активность С. Барвинского (Усика) в пользу советской власти в период 1918–1919 гг. не подтверждали и другие свидетели, на которых он ссылался (Геренштейн, Загородный, Розенфельд, Скорбь, Найда, Малиновский, Крук, Климовицкий).

Заключительная часть обвинительного заключения содержит следующее: «По хозяйственным преступлениям в институте в октябре 1933 г. Барвинский-Усик по ст. 97 и 99 УК УССР был осужден Уманским нарсудом на 4 года лишения свободы в отдаленных краях Советского Союза – за то, что в годы гражданской войны в период обостренной борьбы политических банд с советскими частями активно боролся против советской власти. В 1919 г. через провокатора Пичневича выдал денкинской контрразведке ряд коммунистов-подпольщиков, которые были расстреляны. Борьбу с советской властью он продолжал и будучи в рядах компартии, которую обманывал до момента последней чистки, то есть до осени 1933 г., что предусмотрено ст. 54–13 УК УССР, а поэтому в соответствии ст. 204 УПК УССР данное дело направляется Уманскому участковому прокурору на предмет передачи виновного в суд» [5, л. 285]. Обвинительный акт по делу С. Барвинского (Усика) подписан оперуполномоченным Секретно-политического отдела Куприяновым и утвержден руководителем Уманского районного управления НКВД П. Ленским.

С. Барвинский (Усик) во время проведения предварительного следствия содержался под охраной в Уманской тюрьме до 1934 г. Обвиняемый в преступных действиях по ст. 54–13 УК УССР (активная деятельность против революционного движения при царизме и во время гражданской войны: расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства) – виновным себя не признал. С. Барвинский за другими материалами следствия объяснил, что он действительно, сошелся с участниками революционного кружка и порой присутствовал на чтениях революционной литературы, но революционную деятельность кружка он не предвидел. Относительно заявления во время чисток кадров в Украинском плодово-ягодном институте, он показал, что вообще не был арестован вместе с членами кружка. Кроме того, С. Барвинский (Усик) утверждал, что во время наступления Керенского, он революционной деятельности не осуществлял, как говорится в его автобиографии. Также он отрицал свои связи как с петлюровцами, так и с боротьбистами, что под

разными лозунгами действовали в 1918–1920 гг. [10].

Во время досудебного следствия к делу были привлечены 27 свидетелей, в том числе и жена С. Барвинского (Усика) – Барвинская Мария Викторовна [9]. В основном их показания не совпадали с объяснениями арестованного. В дальнейшем, как показывает анализ архивных материалов, дело попало на рассмотрение в сектор прокуратуры по спецделам Народного комиссариата юстиции (НКЮ) УССР, который в 1934–1936 гг. осуществлял прокурорский надзор за деятельностью органов ГПУ-НКВД [6].

В постановлении заместителя прокурора по спецделам УССР Л. Мальцева от 25 августа 1934 г. отмечается следующее: «Ознакомившись с делом Усика-Барвинского С.Е. по ст. 54-13 УК и с обвинительного выводом Уманского райотдела УГБ НКВД нашел, что: 1) материалами дела преступления, инкриминируемые Барвинскому – не подтверждены; 2) хотя с признаний ряда свидетелей установлены дружеские связи Барвинского с бывшим петлюровским офицером Горячківским, а также вызывают некоторые сомнения обстоятельства побега Барвинского из военного госпиталя во время его ареста деникинской контрразведкой, но факт провокационной деятельности Усика-Барвинского и выдачи им рабочих коммунистического подполья контрразведке ничем не доказан; 3) таким образом достаточных оснований для предания Барвинского суду – нет. Поэтому, руководствуясь ст.197 ч.2 и п.2 ст. 223 УПК постановил: дело по обвинению Усика-Барвинского С.Е. по признакам преступления, предусмотренного ст. 54-13 УК – закрыть» [7].

Таким образом, обвиняемый во «вредительстве» и «провокационной деятельности», приговоренный Уманским Народным судом к 4 годам лишения свободы в отдаленных краях СССР, С. Барвинский (Усик) почти год находился под следствием Уманского районного отдела ГПУ до закрытия дела заместителем прокурора за отсутствием достаточных доказательств преступных

действий. Дальнейшая судьба С. Барвинского (Усика) неизвестна.

Список литературы

1. Автобиография Барвинского Степана Евтихевича // Государственный архив Черкасской области (далее - ГАЧО). Ф. р. 5625. Оп. 1. Д. 6118. Арк. 186-187.
2. Выписка из протокола Уманской районной комиссии чистки партии, организации Уманского плодоягодного института // ГАЧО. Ф. р. 5625. Оп. 1. Д. 6118. Арк. 4-6.
3. Выводы о состоянии и работе партколлективу Уманского учебного плодоягодного комбината // ГАЧО. Ф. р. 5625. Оп. 1. Д. 6118. Арк. 7-11.
4. ГАЧО. Ф. р. 5625. Оп. 1. Д. 6118 [Дело № 595 по обвинению Барвинского Степана Евтихевич по ст. 54-13 УК УССР 30 октября 1933 г. - 27 августа 1934 г.]. 299 л.
5. Обвинительное заключение по делу С.Е. Барвинского (Усика) // ГАЧО. Ф. р. 5625. Оп. 1. Д. 6118. Арк. 280-285.
6. Окипнюк В. Штатная структура и персональный состав прокурорского надзора за органами государственной безопасности советской Украины в 1920-1930-х гг. Из архивов ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2011. № 2. С. 137-183.
7. Постановление заместителя прокурора в спецсправах УССР от 25.08.1934 г. // ГАЧО. Ф. р. 5625. Оп. 1. Д. 6118. Арк. 294.
8. Реабилитированные истории. Черкасская область: научное издание. Кн. 7 / Председатель П.Т. Тронько. Черкасы: Изд. Чабаненко Ю.А., 2010. 654 с.
9. Список лиц, подлежащих вызову на судебное заседание по делу С.Е. Барвинского (Усика) // ГАЧО. Ф. р. 5625. Оп. 1. Д. 6118. Арк. 244.
10. Шаповал Ю.И. «Контрреволюционной боротьбистской организации» дело 1935. *Энциклопедия истории Украины*: в 10 т. / редкол.: В.А. Смолій (председатель) и др.; Ин-т истории Украины НАН Украины. Киев: Науч. мысль, 2009. Т. 5: Кон-Кю. С. 106.

INTERNATIONAL NOBEL INFORMATION CENTRE'S ARCHIVE OF NOBEL FAMILY AND NOBEL PRIZES LAUREATES

Tyutyunnik V.

*International Nobel Information Centre,
President, Sr.Dr.Tech.Sci., Professor*

Pirozhkov G.

*International Nobel Information Centre,
Senior researcher, Dr.Culture, Professor*

Abstract

The article argues that the international scientific-educational information institution *International Nobel Information Centre (INIC)*, operating in Tambov as a social and humanitarian association, for thirty years of work has proved the need to collect, process and distribute documents on discoveries in the field of science, technology, literature, politics and public life, awarded the Nobel Prizes. Identifying the main directions of development of the Center, the authors substantiate the importance of creating a document fund formed in the Center for the history of the Nobel Prizes and nobelistics as a new science of Nobel's information. The main achievements of nobelistics were described. Along with the analysis of the activity of the *Nobel Scientific Library* and the *Museum for Nobel Family and Nobel Prizes Laureates*, special attention is paid to the *Archive for Nobel Family and Nobel Prizes*

Laureates. Some measures are proposed to improve the structure of the Archive, the content of funds, further innovative development of archival practices.

Keywords: International Nobel Information Centre, Nobel Prizes, nobelistics, document fund, Archive for Nobel Family and Nobel Prizes Laureates.

Introduction

In recent years, the attitude towards the Nobel Prizes as a sociocultural phenomenon has radically changed in Russia; a new scientific direction is rapidly developing that is *nobelistics*. The growing interest in them is actualized by the study of the experience of the scientific and educational information institution *International Nobel Information Centre (INIC)*, with headquarters in Tambov and branches in Moscow, St. Petersburg, Baku, Vienna, Hamburg, Stockholm, Varna, Bouake. The institution was created thirty years ago by the founder of nobelistics, doctor of technical sciences, Professor V.M.Tyutyunnik [4; 20] with the aim of creating a single center for using Nobel information. Through the efforts of the *INIC*, the *UDC (Universal Decimal Classification) Committee of the Association of Scientific and Scientific-Technical Libraries of the USSR* introduced a new classification division in 1991: *UDC 06.068: Nobel Prize Award. Nobelistics*. So it was legalized the term *nobelistics*. This line of research was described in detail in a large number of publications [5; 21; 23; 24; 28]. The scientific community recognizes *nobelistics* as a science of the formation, functioning, processing, analysis and dissemination of Nobel information, object-oriented symbiosis of computer science and science of science [27, p.45-50]).

Today the *INIC* is one of the notable centers of the International Nobel Movement in the world, the leading organization in the field of nobelistics. Thanks to the painstaking work of their collaborators and associate members, that are Tambov researchers in collaboration with scientists from different countries, the Centre develops a number of substantial long-term scientific international and regional projects. In particular, its employees are laying the foundations of a new scientific direction – Nobel informatics and bio-scientometrics (bio-bibliometrics, bio-informetrics) [26].

A new grand project was born in October 2017 in Tambov at the XI Nobel Congress [22], when Michael Nobel and Peter Nobel (the descendants of Alfred Nobel) announced on the establishment of the *Nobel Sustainability Trust (NST, Switzerland)* award “for outstanding research and development in the field of sustainable development of mankind”, including in the field of alternative energy. M.Nobel and P.Nobel together with the head of the *SALUS* company E.A.Ivankov (Moscow) and the representative of *NST* in the Russian Federation, the president of the *INIC*, professor V.M.Tyutyunnik decided: the first award of this Prize in June 2019 will take place in Russia; the Prize will be sponsored by the *SALUS* company, which is the social partner of the *INIC*. This event was not only beyond the scope of Russia, it became noticeable in many countries, caused various judgments.

In June 2018, *SALUS* and the *INIC* decided to significantly develop and expand the *NST* idea, and establish their own series of annual international awards “for

technological solutions that contribute to the sustainable development of humanity”. This new approach, based on synergy of business and science, will allow a qualitative selection of technological solutions that contribute to the sustainable development of mankind, with the study and integration of international practices, for the subsequent introduction of nominated technologies and their maintenance, up to the launch of mass production and the establishment of supply chains. The infrastructures of the international organizations *SALUS* and *INIC* make it possible to accomplish this task, as well as speed up the “transfer of scientific technologies” internationally with the protection of intellectual property rights [2; 25].

Thus, the *INIC* as a scientific association is an international, Russian and regional organization that actively influences the formation of the information space, the process of informatization of the socio-cultural space of the Russian regions, the expansion of the resource base of information and educational institutions. Successfully using in their work the achievements of scientific and technological progress, new forms of knowledge dissemination, the *INIC* combines the socio-cultural functions of education and science: it contributes to the translation and implementation of the fundamental values of world and national culture, conducts multi-vector educational work, helps Russians to gain knowledge of the great scientific discoveries marked by the Nobel Prizes. By actively replenishing the new documents of the *Nobel Scientific Library (NSL)* and the *Archives for Nobel Family and Nobel Prizes Laureates (ANF)*, original exhibits of the *Museum for Nobel Family and Nobel Prizes Laureates (MNF)*, the *INIC* solves the main task, which consists in forming powerful information resources on nobelistics.

Purpose of the study

The purpose of the research is as follows: against the background of a brief essay on the history of the *INIC*, using chronological and sociocultural approaches, to show the role of *ANF* in the formation of the Nobel information space and in the creation of nobelistics.

Brief essay on the INIC history

The *INIC* was formed in the 1990s. in a complex economic and sociocultural environment as an information organization that has no analogues in Russia. His appearance is connected with the dissemination of important, but scattered information about the life and work of A. Nobel, about the Nobel Institutions and Nobel business structures, about the discoveries of Nobel Prizes Winners. Already the first major scientific events in Tambov are the International Meetings-Conferences of Nobel Prize laureates and nobelists (April 1989, September 1991, September 1993 and later till now) showed the significant potential of the scientific, organizational, and educational opportunities of the association created in Tambov, far from Sweden and the

large scientific centers of the USSR. Today we can confidently state that the idea of organizing the *INIC* was successfully implemented: Tambov became a prominent center for uniting members of the International Nobel Movement, scientists in the field of nobelistics, which greatly enhances the authority of Russian science. Regular international events in Tambov (Nobel Congresses, etc.), conducted by the *INIC*, allow Russian scientists and intellectuals to actively cooperate with nobelists from many countries.

The structure of the *INIC* takes into account the peculiarities of the modern search for the Nobel information, which is still scattered today in many countries. Therefore, employees have to find new, often specific methods of collecting, storing and distributing Nobel information, abandon old approaches to the formation of a document fund, and, above all, *ANF* funds. *INIC* researchers have developed innovative approaches to immersing users in the problems of nobelistics with the help of archival documents and genuine artifacts obtained from Nobel Prize Winners; databases and Internet sites are being created to help them, and leading experts of the Centre are consulted.

The main achievements of nobelistics

Without repeating the content of publications [5; 21-24; 26-28], we briefly list only some of the laws of nobelistics. A high correlation was established between the quality of research and the Nobel Prizes in science, which are now the generally accepted measure of the quality of extra-class works (the Nobel level, according to E. Garfield), performed by “world champions” in physics, chemistry, biology, and medicine. From the point of view of cultural studies, the International Nobel movement is defined as the activity of the communities of private and institutional initiatives related to the Nobel’s name functioning in the world community, as a phenomenon of world civilization of the XIX-XXI centuries. The main directions are revealed and the periodization of the International Nobel movement is developed. There is a high level of consistency between the number of Nobel Prizes in the distribution by country and the economic well-being of these countries. Many examples show that nobelistics (its biographical scientometrics of Nobel Prizes and laureates) can be considered as the most fruitful basis for developing models for the development of science, mapping science, highlighting its most promising components. Based on 900 polygon curves of publication activity of each Nobel Prize winner (with the exception of laureate organizations and taking into account two awards to the same person), a generalized model of Nobel laureate’s publication activity was established and the pulsating nature of laureates’ publication activity with non-constant amplitude and frequency was established. A new pattern was established as a result of analyzing the dynamics of the complete statistical aggregates of document flows (DF) of various thematic directions (works and essays of all Nobel Prize winners in physics, chemistry, physiology or medicine, literature, economics, only about 900 people, who are authors more than 520 thousand publications in various languages). Its essence lies in the fact that DF develops in time, regardless of the socio-historical processes in society, as was

previously thought, but due to internal and external socio-information processes that characterize the DF itself as a phenomenon. We are talking about the form of empirical dependence: the number of documents in a given scientific area (function) – time in years (argument). The manifestation of this pattern begins with a time interval of 15-20 years; socio-historical processes are more active in the flow in a narrower period of time. Model curves of DF dynamics show first a slow growth in the volume of documents, then an acceleration of growth to the peak, a decrease, then a slow and accelerated growth. Thus, over a 150-year time interval, the DF is simulated by a sinusoidal curve with a pulsating amplitude and frequency; this sinusoid is inclined to the x-axis at a positive angle of 15-20°. On the discovery of the new pattern of dynamic development of the DF allows us to assert independence from the scope and subject matter of documents (physics, literature, chemistry, etc.). The “experimental purity” of the established pattern is quite high not only because of the powerful volume of DF, but also due to the fact that the entire DF (both in each direction and in their sum) with an accuracy of 5% fits into a typical hyperbola in dynamic coordinates. The practical significance of this discovery has yet to be realized, but it is already completely clear that the authors’ artificial orientation towards the socio-historical process only reduces the value of the publications (scientific, literary or other).

Archive and its structure

In the organizational sense, the archive was a part of the *NSL* in the first years of the work of the *INIC*, today it is an independent structural unit [20; 6, p.12-15]. It consists of originals and copies of especially valuable documents, a personal document resource of Nobel Laureates and nobelists known in the world: a set of letters, copies, film, photo, video documents and much more. All materials have passed the examination of value, most of them have scientific, social and cultural value. In Russia, *ANF* is the only collection of materials of its kind about the Nobel family, Nobel Laureates, their life and activity. The list of questions that archival documents can answer researchers is quite wide: from political to scientific.

When forming the archive, as a division of *INIC*, the archival rules are based on it. However, the unique specificity of the available documents played a role. The unit for storing documents in the archive is a case – a set of documents. Case records form thematic collections of documents within the funds included in special sections, which are the largest part of the archive structure. In general, it has the following form. *ANF INIC*: Section 1 – Documents of the Nobel family. Section 2 – Nobel Prize Laureates. Section 3 – The International Nobel Movement. Section 4 – Nobelists. Section 5 – *INIC* Documents. Of greatest interest is the second section. The number of its cases equals the number of currently available Nobel Laureates (it is clear that their number is increasing annually and is currently 935). The laureates act as archive fundmakers.

The numbering of cases is subject, on the one hand, to chronology – by year of awarding prizes, starting in 1901, on the other, – to the procedure for awarding prizes by awarding organizations: “inside” of each

year, first are the documents of physicist laureates, behind them are chemists, physiologists or physicians, writers, peacekeepers and, since 1969, economists. If the same award was shared between two or three laureates in the same year, then the cases are arranged in the order announced in the decision of the relevant awarding organization. If in some year the prize in one of the nominations was not awarded, then the case's sequence number is "inherited" by the winner of the nomination following the above list. The main array of documents of each case is classified according to the principle: "he/her" and "about him/her". The first case includes documents whose author is directly the Nobel Laureate himself: scientific articles, letters, Nobel Lecture, etc.; they are presented in the form of manuscripts, typewritten texts, photocopies, etc. The second case includes presented in various forms any materials containing third-party information about the winner or his/her works. In some cases, in separate inventories there are documents related to the correspondence between *INIC* and its leader with the Nobel Laureates.

We believe that the structure of cases cannot be "carved into granite": in the process of funding documents, it periodically changes.

A specific example of one of the cases in the second section of the *ANF* is the case of academician Zh.I. Alferov (Russia), Nobel Prize in Physics in 2000. In the affairs of the cases are stored as documents, the author of which the laureate himself, and documents about him and his scientific achievements (their list is too large to bring it in this work). We only say that in terms of volume it is one of the largest cases of the archive. To a large extent, this is due to the fact that the *INIC* President maintains close working and friendly contacts with Zh.I. Alferov. Photo and video materials relating to the outstanding Russian scientist are highlighted in separate documents within the case.

Other sections of the archive also differ somewhat in their internal structure, since each of them has its own specifics.

One of the promising directions for the development of *ANF* is the creation of the Nobel electronic archive. The solution to this problem involves the work on the more accurate structuring of *ANF* documents. However, there is also a problem with the specifics of the archive: all of its documents are directly related to the Nobel theme, and their nature is different. The difficulties in funding *ANF* documents related to the allocation of documents to the archival collection from *NSL* funds have not yet been overcome.

Today *INIC* has more than 100 thousand storage units in *ANF*, most of which have not yet been put into scientific circulation and have not been used in educational practices. Moreover, the archive is constantly updated with new documents. Thus, in recent months, photographs of N. Bohr's arrival in Moscow in 1961, a personal diary and photographs from the archive of N.N. Semenov, received from his widow L.G. Scherbakova-Semenova, photos, brochures, personal life materials appeared W. Brandt, transferred to the *ASN* by the Willy Brandt Forum in Berlin, a large number of postage stamps and coins from around the world, and others.

Analysis of the archive functioning

If all this property – the archive documents – "works" primarily for scientists, then the pride of the *INIC* – *NSL* and *MNF* – are open to a wide range of visitors: there are regularly held cycles of Nobel educational and enlightening activities, meetings with schoolchildren, students, teachers, employees of resource and information institutions, journalists. Although the staff of the *INIC* address the *ANF* documents in special, and often massive educational and enlightening activities.

Cultural, art criticism and archival analysis of documents, materials, artifacts stored in *INIC* shows that they belong to a heritage with historical (reflection of important events in history), art and aesthetic (presence of works of art), ethnographic (reflection of typical and special features of different countries and peoples) value. This list can be supplemented, expanded and specified, as the museum collections, library and archival funds are constantly being replenished. Using the expert assessment method, it is proved that the vast majority of *ANF* documents have many types of potential value. Analysis of the applied value of archival documents (as, incidentally, library documents and museum exhibits) shows their important scientific and educational values. This is significant both for the world and national cultures, and for the socio-cultural space of the regions of the Russian Federation, first of all, the Tambov region, and even its specific territories (when it comes to the connections of Nobel Prizes Winners with the Tambov region or its particular population center, for example A.I. Solzhenitsyn, P.A. Cherenkov, G.B. Shaw and others). The list of types of applied value of *INIC* intellectual products, created on the basis of *ANF* (scientific and popular science articles, dissertations, monographs, scientific educational and enlightening projects, etc.) can be continued. It is important to note that the leading scholars of not only Russia, but also foreign researchers working at *ANF*, as well as library documents, museum artifacts and *INIC* office materials, acted as experts of the archival collection.

In 1999-2013 *INIC* had scientific and educational platforms: The Tambov branch of the Moscow State University of Culture and Arts (*TF MSUCA*) was opened at the initiative of the president of *INIC*. Under the leadership of the principal educational institution and the *Nobel Center*, the Tambov University prepared specialists relying on the achievements of the basic sciences, introduced the competence model of education into the educational process, developed the ability of students to work independently and creatively. An important role in the preparation, first of all, of document specialists and archivists, as well as other specialists for management information structures (departments: *Documentation and Archival Studies*, *Applied Informatics*, *Social and Cultural Activities*, etc.) was played by the presence of the *INIC* archive, library and museum, where training seminars and field trips took place. The inclusion of students in research applied scientific programs developed by the *Center* based on *ANF* was useful for them. The methodological support of the educa-

tional process [7–15] was created by the authors together with colleagues and successful students in the framework of these programs.

Based on the axiological approach to the results of the work of the basic structures of *INIC*, state (Tambov State Technical University, G.R.Derzhavin Tambov State University, Tambov College of Arts) and private (Tambov Economic Technical School, Tambov branch of the Russian New University) educational institutions use documentary *INIC* funds in the educational process and research work. So, frequent guests at *INIC* are students of *TSTU* and *TF RosNOU*. Trainee and graduate studies were conducted by students at *TSU*, *TSTU* and *TF MSUCA* on the basis of *ANF*, the authors wrote scientific papers [1; 3; 16-18, etc.]. Thus, in the practice of Tambov educational institutions, an interesting experience was accumulated in studying students of the intangible heritage on the basis of *INIC* [19, p.126-136]. The students of *TSU*, *TSTU* and *TF MSUCA* (under the guidance of authors based on *ANF*) performed term and diploma studies, wrote scientific works [1; 3; 16-18, etc.]. Thus, in the practice of Tambov educational institutions, an interesting experience was accumulated in studying students of intangible heritage on the basis of *INIC* [19, pp.126-136].

Conclusion

The interest of nobelists researchers to the *ANF* has increased in recent years. A big plus of the *Center*, as an information organization, is the provision of a wide range of services: the supply of archival information in all possible forms is possible, since it is concentrated in one place. This was repeatedly used not only by Russian scientists, but also by foreign researchers. The number of requests to the library-museum-archive system *INIC* is increasing annually. It is valuable that often the archival information obtained by researchers fills up the information bases of the *INIC*, copies of valuable archival documents from other repositories are often transmitted to the *ANF*.

Thus, the activity of *INIC* demonstrates the importance of creating a single complex of Nobel materials, the need for further collection, processing and distribution of documents on nobelistics. Providing the scientific community with authentic information about the discoveries of the Nobel level, actively contributing to the growth of the authority of international science, *INIC* enriches the sociocultural space with reliable information about the Nobel Prize phenomenon, breakthrough scientific ideas and the great discoveries of Nobel laureates. The most important role in this is given to the formation and active use of *ANF* funds, first of all, especially valuable documents-originals. The document fund formed by the *Center* serves as a foundation for researchers to create the history of Nobel Prizes and nobelistics. In addition, the activities of the archival services of *INIC*, along with the work of the library and the museum, contribute to the further innovative development of both library-museum and archival educational and enlightening practices.

References

1. Chernikova E.I. Documenting the activities of the scientific Association (International Nobel Information Centre): diploma work. Tambov, 2007, 46 p.
2. Information message about the creation of the *INIC* Prize in the area of humanistic. *Formation of professionals in the region: new approaches: proceedings of the XVIII Int. Sci. Conf.*, Tambov, 7-8 June 2018. Ed.: Prof. V.M. Tyutyunnik, Prof. V.A. Zernov. Tambov; Moscow; St. Petersburg; Baku; Vienna; Hamburg; Stockholm: *INIC* Publ. House "Nobelistics", 2018, p.170.
3. Mamoyan R.A., Zyryanova N.B., Pirozhkov G.P. Local history information in advertising: rules of use. *Formation of a professional in the region: new approaches: materials XIV Intern. Sci. Conf.*, Tambov, November 21-22, 2014. Tambov; M.; St. Petersburg; Baku; Vienna; Hamburg: *INIC* Publ. House "Nobelistics", 2014, pp.28-30.
4. Pirozhkov G.P., Pirozhkova I.G. History of the international information Nobel center as a movement from idea to result. *General history*. 2018, No.2, pp.3-8.
5. Pirozhkov G.P., Pirozhkova I.G., Tyutyunnik V.M. International Nobel Information Centre as a socio-cultural phenomenon. *Professional formation in the region: new approaches: materials XVIII Intern. sci. conf.*, Tambov, 7-8 June 2018. Ed.: Prof. V.M. Tyutyunnik, Prof. V.A. Zernov. Tambov; Moscow; St. Petersburg; Baku; Vienna; Hamburg; Stockholm: *INIC* Publ. House "Nobelistics", 2018, pp.50-58.
6. Pirozhkov G.P., Ryazanov D.S. Archive of the International Nobel Information Centre: features of funding documents. *Science, technology, society and the Nobel movement: (materials Nobel Congress – 9 Int. Meetings-Conf. of nobelists)*, September 27-29. 2010, Tambov (Russia). Ed. Prof. V.M. Tyutyunnik. Tambov; Moscow; St. Petersburg; Baku; Vienna; Hamburg: *INIC* Publ. House "Nobelistics", 2010. *INIC* Trans., Vol.4, pp.12-15.
7. Pirozhkov G.P. Archival science: method. recommendations for the seminar lesson "Informatization of archival business". Tambov, 2007, 8 p.
8. Pirozhkov G.P. Archival science: method. recommendations for the seminar "Legal framework for the regulation of archival business in Russia. Tambov, 2007. 8 p.
9. Pirozhkov G.P. Archival science: plan of the seminar "Management in archives" and method. recommendations. Tambov, 2007, 7 p.
10. Pirozhkov G.P. Archival science: program of studies conf., tests and questions for the exam. Tambov, 2007, 8 p.
11. Pirozhkov G.P. Archival science: studies-method. manual for students on special. "Scientific discipline of documentation and documentary maintenance of management". 2nd ed. Tambov, 2002, 58 p.
12. Pirozhkov G.P. Office management: textbook-method. manual for students enrolled in special. "Scientific discipline of documentation and documentary maintenance of management". Tambov, 2002, 32 p.

13. Pirozhkov G.P. History of bureaucracy in Russia. Genealogy. Heraldry. Sphragistics. Faleristics: author programs courses and method. recommendations for students enrolled in special. "Scientific discipline of documentation and documentary maintenance of management". Tambov, 2002, 51 p.
14. Pirozhkov G.P., Zorina V.P., Krasnikov V.V., Pirozhkova I.G. Auxiliary historical disciplines: terms and definitions: studies benefit. Tambov; Moscow; St. Petersburg; Baku: INIC Publ. House "Nobelistics", 2004, 46 p.
15. Pirozhkov G.P., Клемина Л.В. Archival science. Archival heuristics: special seminar program and method. recommendations for students. Tambov, 2007, 13 p.
16. Pirozhkov G.P., Golovleva V.V., Ishin A.V., Schyogoleva N.M. The work of a cultural historian with folklore monuments. *Ways of modernization of research and educational activities in the field of culture and art: materials 3rd Int. Sci.-prakt. Conf.*, Krasnodar, 5 apr. 2013. M.; Krasnodar: "BIBKOM", 2013, pp.140-142.
17. Pirozhkov G.P., Pyshkaryova O.S., Karikova D.A. etc. The activities of the International Nobel Information Centre (INIC): regional aspect. *The Formation of a specialist in the region: new approaches: materials of the IV Intercollegiate Sci. Conf.*, 11-12 apr. 2004, Tambov. Ed. V.M. Tyutyunnik. Tambov; Moscow; St. Petersburg; Baku, Vienna: INIC Publ. House "Nobelistics", 2004, pp.62-66.
18. Pirozhkov G.P., Chernikova E.I. Library documents of the International Nobel Information Centre as a valuable information resource of culture. *Socio-Cultural space of regions: traditions and modern trends: materials and docum. Sci.-prakt. Conf.*, May 25, 2009. Belgorod: BSICI, 2009, pp.175-178.
19. Pirozhkov G.P., Pirozhkova I.G. Intangible cultural heritage: from the experience of studying at the University. *Science, technology, society and the Nobel movement: Materials of the Nobel Congress – 11 International meeting–conference of Nobel laureates and nobelists*, 24-28 Oct. 2017, Tambov (Russia). Ed. Prof. V.M. Tyutyunnik. Tambov; Moscow; St. Petersburg; Baku; Vienna; Hamburg; Stockholm: INIC Publ. House "Nobelistics", 2017. INIC Trans., Vol.6, pp.126-136.
20. Ryazanov D.S. International Nobel Information Centre: from its inception to the present day: (to the 20th anniversary of the International Nobel Information Centre). *History of science and technology*. 2010, No.6, pp.21-38.
21. Science, technology, society and the Nobel movement: Materials of the Nobel Congress – 10 (anniversary) International meeting–conference of Nobel laureates and nobelists, 29-31 Oct. 2013, Tambov (Russia). Ed. Prof. V.M. Tyutyunnik. Tambov; Moscow; St. Petersburg; Baku; Vienna; Hamburg: INIC Publ. House "Nobelistics", 2013. INIC Trans., Vol.5, 272 p. (To the 180th anniversary of Alfred Nobel).
22. Science, technology, society and the Nobel movement: Materials of the Nobel Congress – 11 International meeting–conference of Nobel laureates and nobelists, 24-28 Oct. 2017, Tambov (Russia). Ed. Prof. V.M. Tyutyunnik. Tambov; Moscow; St. Petersburg; Baku; Vienna; Hamburg; Stockholm: INIC Publ. House "Nobelistics", 2017. INIC Trans., Vol.6. 512 p.
23. Tyutyunnik V.M. The international Nobel movement. *Scientific researches: collection of scientific works*. Ed. A.I.Rakitov. M.: ISSS RAS, 2017, pp.175-204.
24. Tyutyunnik V.M., Kamenskaya V.V., Ryazanov D.S. Museum, library and archive of Nobel family and Nobel Prize laureates. *Prospects of science*. 2016, No.8(83), pp.66-71.
25. Tyutyunnik V.M. Interrelations of Informatics and science: data analysis and models. Tambov, 1989, 44 p.
26. Tyutyunnik V.M. The Statutes of the Nobel Sustainability Trust (NST), a non-public joint-stock company "SALUS" (NAO "SALUS") and the International Nobel Information Centre (INIC), announced 24.10.2017, with changes from 01.06.2018. *Information systems and processes: collection of scientific works*. Ed. Prof. V.M. Tyutyunnik. Tambov; Moscow; St. Petersburg; Baku; Vienna; Hamburg; Stockholm: INIC Publ. House "Nobelistics", 2018. Vol.17, pp.125-145.
27. Viacheslav Mikhailovich Tyutyunnik. Biobibliography of academician V.M. Tyutyunnik. Anniversary issue. Tambov; Moscow; St. Petersburg; Baku, Vienna: INIC Publ. House "Nobelistics", 2007, 258 p.
28. Voytin A.O., Tyutyunnik V.M. New approaches to preservation and actualization of cultural heritage. *Bulletin of Voronezh State Uni. Ser. Problems higher education*. 2014, No.4, pp.46-50.

Цапков А.М.

Волгоградский государственный университет, магистрант 2-го курса кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии
Научный руководитель:

Пискунова Е.П.

канд.ист.наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Волгоградского государственного университета

THE UN REFORM IN THE FIELD OF PROTECTION OF HUMAN RIGHTS

Tsapkov A.

Volgograd State University, Master of the 2nd year of the Department of national and universal history, archaeology

Scientific adviser:

Piskunova E.

Candidate of historical Sciences, associate Professor of the Department of national and universal history, archaeology of Volgograd State University

Аннотация

В данной статье рассматриваются итоги работы Комиссии по правам человека. Выявлены причины возникновения необходимости реформирования системы ООН и создания Совета по правам человека. Показаны основные проблемы деятельности ООН в области защиты прав человека в конце XX – начале XXI вв.

Abstract

This article discusses the question about the results of the work of the Commission of Human Rights. We have revealed the reasons for need to reform the UN system and the development of the UN Human Rights Council. This article shown problems in the UN activities in the field protection of Human Rights at the end of the 20th century to beginning of the 21st century.

Ключевые слова: ООН, защита прав человека, Комиссия по правам человека ООН, Совет по правам человека ООН.

Keywords: UN, protection of Human Rights, UN Commission of Human Rights, UN Human Rights Council

С 90-х годов XX века в мире наблюдаются изменения в реализации внешней политики. Права человека в это время начинают рассматриваться как результат внешнеполитических действий. Отметим, что на момент создания ООН права человека рассматривались исключительно как сфера внутриполитической деятельности, где основным принципом выступал суверенитет государства. К 90-м годам проблема нарушений прав человека из внутреннего вопроса стала фактором дестабилизации.

Существует большое количество публикаций по различным направлениям деятельности ООН. Однако в настоящее время нет глубоких работ, которые рассматривают именно реформирование правозащитной деятельности.

Цель данной работы заключается в том, чтобы выявить проблемы, которые необходимо решить ООН при реформировании. Для этого необходимо: рассмотреть причины возникновения кризиса ООН в конце XX века; раскрыть итоги работы Комиссии по правам человека ООН; охарактеризовать деятельность Совета по правам человека ООН.

В работе используются, главным образом, документы Организации Объединенных Наций. В частности, проанализированы Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и Совета Безопасности ООН, мемуары Бутроса Б. Гали [3,7,8].

Несмотря на то, что в 1948 году была принята Всеобщая Декларация прав человека, многие

страны не соблюдали ее требования, аргументируя это принципом невмешательства во внутренние дела государств. Таким образом, данный документ определял принципы защиты прав человека, не давая механизма их защиты.

С окончанием холодной войны и распада Советского Союза изменилась политическая карта Европы, в мире происходили обострения межэтнических, межрегиональных и религиозных конфликтов. В бывшей Югославии, начиная с 90-х годов, международное признание Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины привело, в конечном итоге к конфликту, который, впоследствии, из внутреннего перешел в разряд межгосударственного. Массовые нарушения прав человека остались незамеченными со стороны ООН.

В 1994 году в связи с геноцидом в Руанде, жертвами которого стали порядка 1 млн. человек, ООН, в первую очередь, подверглась критике за бездействие, в том числе за неспособность усилить свою миссию по оказанию помощи.

В целом, подавляющее большинство миротворческих операций со стороны ООН не были успешными по той причине, что урегулирование вопросов не достигалось, и причины конфликтов оставались на прежнем уровне.

Первым вмешательством международного сообщества во внутренние дела государства, по мне-

нию Давыдова Ю.П., стала деятельность Организации Объединенных Наций в Сомали в 1992 г. [4, с. 211]. В стране в это время начался вооруженный конфликт между силами специального назначения США и силами вооруженных формирований Сомалийского национального альянса. В 1992 году Советом Безопасности была принята резолюция, предполагавшая вмешательство во внутренние дела Сомали «по гуманитарным соображениям» [7].

Действия Югославии в конце 90-х годов привели к массовому нарушению прав и свобод человека, что стало причиной миграции мирных жителей из страны [9]. ООН не могла предпринять каких-либо действий по причине отсутствия согласованных действий постоянных членов Совета Безопасности. Таким образом, нарушения прав человека в бывшей Югославии привели к тому, что НАТО было вынуждено вмешаться в военный конфликт.

Данные события в конце XX века показали, что в ООН наступил кризис, который показал, что, во-первых, региональная Организация в нарушении Устава берет на себя право вмешиваться в конфликт; во-вторых, ООН не в состоянии разрешить этот конфликт.

Следует подчеркнуть, что первым, кто выдвинул идею о реформировании, в связи с окончанием холодной войны и увеличением числа членов ООН, являлся Бутрос Бутрос – Гали [3, с. 28]. В качестве основных результатов его деятельности можно отнести, прежде всего, сокращение административного аппарата Секретариата ООН. Однако, в связи с недопущением Б. Гали на второй срок, дальнейшие реформы оказались безуспешными [3].

Если вести речь непосредственно о деятельности Комиссии по правам человека, то в 90-е годы были назначены докладчики по вопросам, касающимся нетерпимости и дискриминации по признаку религиозных верований и убеждений, независимости судей, использования наемников, сброса ядовитых отходов, насилия в отношении женщин, детская проституция, современные формы расизма и нетерпимости [2, с. 80].

Однако Комиссия по правам человека показала свою неэффективность. Например, как подчеркивает исследователь Лукьянцев Г.Е., во время проведения очередных сессий, в которых принимались более ста резолюций и решений по большому кругу проблем, многие из этих документов не относились конкретно к вопросу о защите прав человека [6, с. 10]. Рассматривая положения дел о разоружении, международной торговли, перевозки токсичных отходов, КПЧ тем самым нарушала собственный мандат, что отрицательным образом влияло на ее дальнейшую эффективность.

В свою очередь, Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан на 61-й сессии подчеркнул как положительные, так и отрицательные моменты работы Комиссии по правам человека. С одной стороны, по его мнению, КПЧ имела возможность назначать докладчиков и других экспертов, взаимодействовать с членами гражданского общества. С другой стороны, работа Комиссии показала отчасти свой непрофессионализм, что стало причиной снижения ее авторитетности [1].

Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 15.03.2006 г. Комиссия по правам человека была упразднена и впоследствии все полномочия были переданы учрежденному Совету по правам человека [8]. Данный орган создавался, прежде всего, для рассмотрения нависших кризисов и обеспечения своевременного и углубленного исследования вопросов прав человека.

СПЧ является вспомогательным органом Генеральной Ассамблеи ООН. Орган рассматривает ситуации, связанные с нарушением прав человека, включая грубые, систематические нарушения и дает по ним свои рекомендации [8].

Универсальный периодический обзор и «Специальные процедуры» являются механизмами Совета по правам человека. УПО был учрежден в марте 2006 года [8]. В рамках данного органа проводятся каждые четыре года регулярные обзоры о выполнении государствами-членами ООН обязательств в области прав человека.

Что касается «Специальных процедур», то подчеркнем, что это механизм, созданный Комиссией по правам человека и принятый СПЧ для рассмотрения «либо конкретных ситуаций в стране, либо тематических вопросов во всех частях мира» [5, с. 4-7]. В полномочия мандатов по странам проводят мониторинг, консультирование и впоследствии предоставляют сведения о положении в области прав человека в конкретном государстве [5].

Отметим, что на начальном этапе деятельности СПЧ многие западные страны не признавали свои личные государственные проблемы в области защиты прав человека и, соответственно, не выполняли свои обязательства по данному вопросу. Они использовали Универсальный периодический обзор для давления и вмешательства в дела неудобных им режимов.

Совет по правам человека не прописан в Уставе. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что реорганизация в системе Организации произошла, но она не была документально закреплена. Соответственно, у СПЧ нет соответствующих полномочий, как, например, у Совета Безопасности.

Таким образом, следует подчеркнуть, что ООН находится в процессе трансформации. На сегодняшний момент Совет по правам человека является, прежде всего, ограниченным рекомендательным органом, который лишь выражает мнения мирового сообщества. Однако СПЧ не в состоянии оказывать реальное воздействие на государства-участники, поскольку для усиления его позиций требуется более глубокая структурная реформа Организации Объединенных Наций.

Список литературы

1. Аннан К. При большой свободе: к развитию безопасности и правам человека для всех / Доклад Генерального секретаря ООН, UN/A/59/2005. [Электронный ресурс] / URL: <https://www.unisdr.org/files/resolutions/N0537567.pdf>
2. Бергем К.В. Введение в права человека. – Осло: Норвежский Хельсинкский комитет по правам человека. 2003. – 117 с.
3. Бутрос Б. Гали. Непокоренная Организация Объединенных Наций: История отношений между Орг. Объедин. Наций и Соедин. Штатами Америки; [Пер. с англ. А.В. Денисова]. М.: XXI век - Согласие, 2000. – 493 с.
4. Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М.: Наука, 2002. – 287 с.
5. Защита прав человека в системе Организации Объединенных Наций / Информационная брошюра [Электронный ресурс] / URL: <https://bureau.kz/files/press-center/gallery/HumanRights%20in%20UN%20system.pdf>
6. Лукьянцев Г.Е. О некоторых тенденциях развития международного сотрудничества и международного контроля в области прав человека // Юрист-международник. М. 2004, № 3. С. 10-18.
7. Ситуация в Сомали. Резолюция Совета Безопасности ООН № 794 от 3.12.1992. [Электронный ресурс] / URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/794\(1992\)](https://undocs.org/ru/S/RES/794(1992))
8. Совет по правам человека. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 60/251 от 15.03.2006. [Электронный ресурс] / URL: <http://www.justice.gov.md/public/files/file/evaluarea%20periodica%20a%20drepturilor%20omului/N0550268.pdf>
9. Kosovo: One last chance. The race against winter, yet another exodus // UNHCR. Refugees. – 1999. Volume 3. - № 116. – P.7.

PHILOSOPHICAL SCIENCES

«НЕ-АЛИБИ» В БЫТИИ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

Черняк Н.

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Профессор, д-р философских наук*

"NON-ALIBI" IN BEING AS A WORLDVIEW PRINCIPLE

Chernyak N.

*Omsk state University. F.M. Dostoevsky
Professor, doctor of philosophy*

Аннотация

В статье актуализируются философские основания учения о ценностях в культуре. Раскрывается смысл проблематики соотношения трансцендентного и имманентного. Проводится сравнительный анализ философских концепций представителей баденской школы неокантианства и русского философа М.М. Бахтина. Дан анализ решения проблемы соотношения имманентного и трансцендентного в философии поступка Бахтина.

Abstract

The article actualizes the philosophical foundations of the doctrine of values in culture. The author reveals the meaning of the problem of the ratio of transcendent and immanent. The comparative analysis of philosophical concepts of representatives of Baden school of neocantianism and Russian philosopher M. M. Bakhtin is carried out. The analysis of the solution of the problem of the ratio of immanent and transcendent in the philosophy of Bakhtin's act is given.

Ключевые слова: трансцендентное, имманентное, ценность, «не-алиби» в бытии, единственная единственность, ответственный поступок.

Keywords: transcendent, immanent, value, "non-alibi" in being, sole uniqueness, responsible act.

Нравственно-этический принцип абсолютной и неснимаемой персональной ответственности как выражение специфически человеческого способа существования в мире, был артикулирован русским мыслителем М. Бахтиным. В трактате «К философии поступка» этот принцип получил терминологическое обозначение «не-алиби» в бытии.

Следует сказать, что поднимаемая Бахтиным проблематика «единственной единственности» или «ответственного самостояния», не является самоцелью исследования русского философа. Рассуждения Бахтина о роли и значении в бытии «малых сил», т. е. индивидуального ответственного поступка, инкорпорированы в обсуждение и поиски решения более широкой по объему проблемы реального функционирования в культуре социально-значимых ценностей – нравственно-этических, эстетических, религиозных, научных и проч.

Еще в 70-х гг. XIX в. представителями баденской школы неокантианской философии была сформулирована фундаментально значимая для всего гуманитарного знания проблема – соотношение трансцендентного и имманентного в культуре. А именно: каким образом трансцендентные ценности становятся элементом действительного мира (имманентного, в терминологии неокантианцев)?

Известно, что представители баденской школы считали центральным пунктом учения Канта не «Критику чистого разума» и не «Критику практического разума», в которых представлены кантовская гносеология и этика, а «Критику способности

суждения» с ее телеологией и философией искусства. Именно в последней из Критик получает свое оправдание и смысл всякое знание.

Согласно Виндельбанду, все частные науки занимаются рассмотрением того, что есть, т. е. фактически данного бытия. Философия же своим исключительным предметом имеет не то, что есть, а то, что должно быть, не данное, а заданное, идеалы и ценности. Иными словами, философия есть наука о должном или ценностях. Она спрашивает не о том, какие естественные законы управляют теми или иными явлениями. Она спрашивает о том, существует ли и как возможна наука, т. е. знание, дающее всеобщие и необходимые истины, как возможна мораль, т. е. такое воление и действие, которое обладает подлинным значением добра, и как возможно искусство, т. е. созерцание и чувствование, имеющее обязательное значение красоты. Другими словами, в философии речь идет не о суждениях с эмпирическим содержанием, а об «условиях возможности» (в духе Канта), об оценках, утверждающих должное, и притом об оценках абсолютных и непреложных.

Таким образом, центральным понятием философии баденцев становится понятие «ценности». Ценности имеют абсолютный, трансцендентный характер.

При этом, хотя они и «переживаются» человеком как «культурные блага», представляют собой нечто самодовлеющее и объективное. Их значимость аксиоматична, она заключена в них самих и не может быть оправдана чем-то другим. Напротив,

все остальное получает свое оправдание и смысл через них.

Недостатком предшествующей философии и науки, с точки зрения баденцев, являлось то, что в них мир рассматривался исключительно как действительность, а ценности совершенно не принимались в расчет. Однако, согласно баденцам, философия не может удовлетвориться лишь объективной действительностью, она должна быть нацелена на поиск единства человека и мира, что оказывалось возможным только как единство действительности и ценности. Задачей философии, таким образом, являлось нахождение единого принципа бытия, смысл которого раскрывался бы в системе ценностей.

Представители баденской школы предприняли ряд попыток теоретического обоснования существования ценностей в действительности. Однако проблема соединения имманентного и трансцендентного, действительности и ценности так и осталась нерешенной.

В русской философской мысли эта проблема – соотношение трансцендентных ценностей и имманентности (действительности) жизни – была отчетливо поставлена М.М. Бахтиным. «Акт нашей деятельности, нашего переживания, как двуликий Янус, глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни» [1, с. 22]. В этой связи Бахтин ставит для себя задачу поиска «единого и единственного плана», где оба лика культуры совпадали бы. Те варианты решения проблемы, которые предлагали неокантианцы, Бахтина не устраивают, ибо они представляли собой разновидности эстетизма или теоретизма, в которых активное «участное поступление» индивида нивелируется. С его точки зрения, совпадение двух планов бытия – объективно-культурного и действительного (имманентного) может быть обеспечено лишь «единственным единством», т. е. единственным событием совершаемого бытия. Это единственное событие единственного бытия у Бахтина получило название «ответственного поступления».

Что означает «ответственное поступление», и какое место в онтологии отводит ему Бахтин? Думается, что это – не только и не столько морально-этическая категория, выражающая факт долженствования. «Ответственное поступление» – это трансцендентальное условие, благодаря которому становятся возможными собственно человеческие состояния. Индивидуальный ответственный поступок – это то, чем полагается и утверждается главное – бытие. В нем происходит событие бытия – соединение, встреча бытия и единственной неповторимой индивидуальности. Отсюда весь ригоризм бахтинской этики. «Я емь действительный, незаменимый и потому должен осуществить свою единственность. По отношению ко всему действительному единству возникает мое единственное

долженствование. Я-единственный ни в один момент не могу быть безучастен в действительной и безысходно-нудительно-единственной жизни, я должен иметь долженствование» [1, с. 46].

Главное, что при этом преследует Бахтин, – из факта единственности человеческого бытия и незаменимости его другим – обосновать идею нудительно-обязательной ответственности. «Этот факт моего не-алиби в бытии, лежащий в основе самого конкретного и единственного долженствования поступка, не узнается и не познается мною, а единственным образом признается и утверждается... Активный поступок утверждает свою единственность и незаменимость в целом бытия... Это не есть просто утверждение себя: я участвую в бытии как единственный его деятель; ничто в бытии, кроме меня, не есть для меня Я» (там же).

Итак, ответственность человека в мире абсолютна и неснимаема. Можно отказаться от своей единственности, можно пытаться доказать свое алиби в бытии, т. е. жить несобственной жизнью, но это означает быть самозванцем. Культурно-историческая ситуация показывает, что человек в повседневности чаще всего в таком состоянии и пребывает. Но тогда опасность «утраты» бытия, о которой позднее будет предостерегать М. Хайдеггер, вновь и вновь будет настойчиво о себе заявлять.

Итак, ответственный поступок – это то, в чем участное бытие приобщается к целому бытию как событию. В этой связи, Бахтин подвергает критике формальную рациональность кантовского категорического императива и провозглашенный неокантианцами приоритет ценностей и идеалов над индивидуальной человеческой жизнью. «Себе равной, общезначимой признанной ценности нет, ибо ее признанная значимость обусловлена не содержанием, отвлеченно взятым, а в соотношении его с единственным местом участника...» [1, с. 50]. Поэтому, в противоположность неокантианцам он утверждает, что ценность, истина, добро, красота и проч. – «только возможности, которые могут стать действительностью только в поступке на основе признания единственной моей причастности» [1, с. 46].

Таким образом, именно и исключительно в актах ответственного поступления получают конкретное воплощение, т. е. становятся действительностью, трансцендентные общезначимые ценности. Тем самым, Бахтин демонстрирует путь решения столь сложной и актуальной проблемы, которую баденцы сформулировали, но, не смея отступить от кантовского методологизма, не могли решить.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Человек в мире слова. М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1995. – 140 с.

POLITICAL SCIENCES

ТРАНСКОРДОННІ ЗАГРОЗИ ЯК НЕГАТИВНИЙ ЧИННИК УТВЕРДЖЕННЯ ДЕМОКРАТІЇ В КРАЇНАХ ТРОПІЧНОЇ АФРИКИ

Кухта В.В.

*аспірант кафедри політології та державного управління
ДВНЗ «Ужгородський національний університет»*

CROSS-BORDER THREATS AS A NEGATIVE FACTOR FOR THE IMPROVEMENT OF DEMOCRACY IN TROPICAL AFRICA

Kukhta V.

PhD student in the Department of Political Science and Public Administration Uzhgorod National University

Анотація

Стаття присвячена аналізу транскордонних загроз як чинника, що негативно позначається на прогресивних перетвореннях в ряді країн Тропічної Африки. Зокрема йдеться про взаємовідносини прикордонних регіонів п'яти країн: Центрально-Африканської Республіки (ЦАР), Камеруну, Чаду, Демократичної Республіки Конго (ДРК), Республіки Конго (РК). Виокремлено факти, які підтверджують безпекові загрози і сприяють діяльності терористів, злочинних угруповань, наркоторгівлі, що призводить до економічних втрат, загострення соціальних суперечок, відтоку біженців та ін. Обґрунтовано причини неспроможності країн Тропічної Африки до пошуку дієвих механізмів запобігання і протистояння транскордонним загрозам. Сформульовано висновки щодо гальмівного впливу транскордонних викликів на процеси постколоніального державотворення й утвердження цивілізаційних стандартів життя.

Abstract

The article deals with the analysis of transboundary threats as a factor that has a negative impact on progressive transformations in a number of countries in Tropical Africa. In particular, it is about the relations between the border regions of five countries: the Central African Republic (CAR), Cameroon, Chad, the Democratic Republic of the Congo (DRC), and the Republic of the Congo (RK). The facts that confirm the security threats and contribute to the activities of terrorists, criminal groups, drug trafficking, leading to economic losses, exacerbation of social disputes, the outflow of refugees, and others, are highlighted. The reasons for the inability of the countries of Tropical Africa to find effective mechanisms for preventing and countering cross-border threats are substantiated. Conclusions have been formulated on the inhibitory impact of transboundary challenges on postcolonial statesmanship and the establishment of civilizational standards of living.

Ключові слова: Тропічна Африка, утвердження демократії, транскордонні території, безпекові загрози, постколоніальне державотворення, стандарти життя.

Keywords: Tropical Africa, the establishment of democracy, trans-border territories, security threats, post-colonial state-building, standards of living.

В епоху глобалізації транскордонні загрози набувають масштабного поширення і вимагають оперативного реагування в забезпеченні національної безпеки. Особливо це стосується африканських країн, які зазвичай слабкі перед транскордонними викликами. Першопричина цього – поспіх і спонтанність встановлення кордонів на Африканському континенті між країнами, що здобули незалежність в результаті деколонізації [1].

Вивченню означеної проблеми присвячені фундаментальні дослідження Анджели Майєр, Івона Локарта Сміта, Рене Ламаршанда, Наталії Дукхан, Емі Коплей та інших.

В сучасній Африці, за статистикою, 109 прикордонних ліній розділяють 177 культурних та етнічних груп, а близько 25 % загальної протяжності кордонів не демарковані [2]. Відомо також, що на сімдесяти дорогах відсутні митні пости в районах перетину державного кордону [5]. Зазначені факти сприяють діяльності терористів, злочинних угруповань, наркоторгівлі, що в свою чергу призводить до

загострення соціальних суперечок і відтоку біженців.

Однією з найгарячіших точок різного роду транскордонних загроз на території Тропічної Африки є сусідство п'яти країн: Центрально-Африканської Республіки (ЦАР), Камеруну, Чаду, Демократичної Республіки Конго (ДРК), Республіки Конго (РК). Наприклад, в ЦАР в грудні 2013 р. відбулося чергове протистояння після зіткнення в Бангі, столиці ЦАР, двох угруповань: «Селекі» (мусульмани) і «Анти-балакі» (християни та анімисти). На початку 2014 р. після вимушеної відставки президента ЦАР Мішеля Джотодіа був створений перехідний уряд на чолі з Катрін Самба-Панза. Влітку цього ж року конфліктуєчі сторони ЦАР за сприяння президента Республіки Конго підписали Браззавільську угоду про перемир'я, яка була порушена в 2016 р. в результаті нових зіткнень.

Вчені припускають, що неможливість ЦАР до застосування ефективних засобів реагування на

трансгоскордонні загрози пояснюються двома причинами:

а) недостатнім рівнем функціональної спроможності держави;

б) несприятливим сусідством з країнами, що мають власну внутрішню нестабільність, водночас відрізняються наявністю в них відносно сильних культурних центрів [4].

Зупинимося детально на другій причині, що є предметом аналізу нашої статті і є типовою не тільки для ЦАР, але й для інших африканських країн. В умовах відсутності контролю над прикордонними територіями вони стають вразливими у випадках зовнішніх вторгнень. Наприклад, у 2010 р. Уганда проводила на території ЦАР військову операцію з метою знищення бойовиків терористичного угруповання «Армія Визволення Господня». Камерун на території ЦАР переслідує бойовиків Демократичного фронту центральноафриканського народу (FDRС). Ще одна країна-сусідка – Чад – постійно зацікавлена в тому, щоб центральноафриканська територія не використовувалася озброєними угрупованнями чадської опозиції в якості схованки. Саме тому Чад дотримується винятково прагматичної політики відносно ЦАР і підтримує ті політичні сили, які демонструють готовність контролювати ситуацію в країні.

Ще одним чинником нестабільності в Тропічній Африці є наявність на території багатьох країн-сусідів неконтрольованих «чорних ринків» для збуту контрабандних товарів. У 2013 року у зв'язку із безпековими загрозами ряд країн Тропічної Африки – учасниць Кімберлійського процесу – ввели заборону на видачу ЦАР сертифікатів на торгівлю алмазами, мотивуючи її тим, що «криваві алмази» заморожують стан нестабільності не тільки в ЦАР, а в усьому регіоні. Однак навіть радикальні заходи не зупинили ані нелегальний видобуток алмазів, ані контрабанду. Відомо, що в січні 2014 року загонам «Анти-балакі» вдалося взяти під контроль важливий відрізок кордону між ЦАР і Камеруном (міста Белоко і Гаруа Булай), що дозволило їм грабувати вантажний транспорт і збирати так звані «податки» [7].

Ще один аспект трансгоскордонних загроз – поширеність кочового тваринництва й боротьба за пасовища. Кочові тваринники зі східних і західних прикордонних територій ЦАР конфліктують за доступ до пасовищ як між собою, так і з тваринниками з Чаду, Судану та інших прикордонних країн [6].

Зважаючи на факти й апелюючи до концепції центр-периферійної полярності С.Роккана, І.Ютєва стверджує, що в подібній етнорегіональній ситуації доцільно говорити про зрілість передумов для культурної й економічної диференціації, яка могла б стати поштовхом до видокремлення префектури при наявності достатнього економічного потенціалу. Однак в реальності такого потенціалу немає, народ не виявляє прагнення до незалежності, а

політичний вакуум щораз заповнюється різними озброєними угрупованнями [3]. Окрім того, в результаті невирішення цілої низки проблем неможливо контролювати міграційні процеси в прикордонних країнах-сусідах. Масове розселення на прикордонних територіях призводить до боротьби за ресурси, що сприяє ще більшій дестабілізації.

Таким чином, африканські країни залишаються й досі слабкими й неспроможними до відняття ефективних засобів упередження й реагування на чисельні загрози, а незахищеність кордонів більшості африканських країн дослідники відносять до ключових чинників, які негативно позначаються на процесах постколоніального державотворення.

Список літератури

1. Денисова Т.С., Костелянец С.В. ЦАР: динамика конфликта. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 6. С.20 – 26.
2. Торкунов А.В., Мельвиль А.Ю. Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник: В 4 т. Т. 4: Африка. Москва, 2014. 560 с.
3. Ютєва И.Р. Трансграничные угрозы в постконфликтном миростроительстве в ЦАР: проблемы построения эффективного механизма реагирования на национальном уровне. Сб-к материалов X Конвента РАМИ: МГИМО-Ун-т, 2017. Ч.2/Под общей ред. А.В.Мальгина. URL: www.risa.ru/images/10theses/rami-x-conv-T2.2.pdf(Дата звернення: 14.11.2019).
4. Central African Republic Country Report. Gütersloh: Bertelsmann Stiftung. 2016.P.7.[Electronic resource].URL:https://www.btiproject.org/fileadmin/files/BTI/Downloads/Reports/2016/pdf/BTI_2016_Central_African_Republic.pdf (The date of request: 14.11.2019).
5. Okumu W. Border management and security in Africa. Concordis Briefing №4. Cambridge, England: Concordis International. 2011. P. 4. [Electronic resource]. URL:http://concordis.international/wpcontent/uploads/2012/11/2011_Sudan_Border_Regime_Briefing_4_BORDER-MANAGEMENT-SECURITY-II_LR.pdf (The date of request: 14.11.2019).
6. State of Anarchy: Rebellion and Abuses against Civilians. Human Rights Watch. September 2007. V. 19. №14 (A). [Electronic resource]. URL: Retrieved from: <https://www.hrw.org/reports/2007/car0907/car0907web.pdf> (The date of request: 14.11.2019).
7. Weyns Y., Hoex L., Hilgert F., Spittaels S. Mapping Conflict Motives: the Central African Republic. IPIS. Antwerp, November 2014. P. 60. [Electronic resource]. URL: http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/20141124_CAR.pdf (The date of request: 14.11.2019).

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ НОВЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ**Хлопов О.А.**

*кандидат политических наук,
доцент факультета зарубежного регионоведения и внешней политики
Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва*

EURASIAN ECONOMIC UNION NEW GEOPOLITICAL OPPORTUNITIES AND CHALLENGES**Khlopov O.**

*PhD in Political Science
Associate Professor,
Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy
Russian State University for Humanities (RSUH), Moscow*

Аннотация

В статье анализируются причины и результаты создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в 2014 г, его влияние на глобальную политику и мировую экономическую систему, и значение для России и других стран и регионов. Автором подчеркивается, что формирование новых союзов и блоков с участием России дает возможность для лучшего партнера для ЕС, чем США, что может привести к снижению внимания к новому Трансатлантическому и Тихоокеанскому торговым договорам и к формированию новой системы экономических и геополитических центров сил в мире.

Abstract

The article analyzes the reasons and results of the creation of the Eurasian Economic Union (EAEU) in 2014, its impact on global politics and the world economic system, and its significance for Russia and other countries and regions. The author argues that the formation of new alliances and blocs with the participation of Russia provides an opportunity for a better partnership for the EU than the United States, which can lead to a decrease of attention to the Transatlantic and Pacific trade agreements and to the creation of a new system of economic and geopolitical centers of power in the world.

Ключевые слова: ЕАЭС, Россия, экономическая интеграция, геополитика, внешняя политика, Центральная Азия, многополюсный мир.

Keywords: EAEU, Russia, economic integration, geopolitics, foreign policy, Central Asia, multipolar world

К концу XX века во многих странах возникли многочисленные надежды на интеграцию в рамках новых экономических союзов и регионализацию как альтернативы быстрой глобализации, которая возникла во всем мире. Экономические союзы, такие как Европейский союз (ЕС) и Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ), добившиеся значительных успехов, привели к серьезным нарушениям их интересов в рамках экономических и политических порядков, которые были созданы после Второй мировой войны по правилам, которых были установлены США.

Параллельны этим экономическим союзам, начали создаваться региональные организации, чтобы сформировать новую структуру, возникшую после распада Советского Союза. Одним из них является Евразийский экономический союз (ЕАЭС), целью которого является превращение в наднациональный союз, аналогичный Европейскому союзу, при участии пяти стран Северной Евразии. Союз вступил в силу с 1 января 2015 г., и его членство основано на принципе добровольчества и равенства.

Проект Евразийского экономического союза, целью которого было создание общего рынка и единой экономической политики в странах-членах, впервые был предложен Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым в МГУ 29 марта 1994 г. Для его поддержки России потребовалось время,

и он приобрело значение с начала президентства В. Путина в 2000 г.

В своей статье в "Известиях" в октябре 2011 г. президент Путин предложил создать Евразийский союз. За исключением стран Балтии, бывшие советские республики стремились к объединению в общем экономическом пространстве [7].

Основополагающий 20-летний период начался с подписания Договора о Таможенном союзе между Россией и Беларусью в 1995 г. Помимо этих двух государств, Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) появилось вместе с участием Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана в 2000 г. Единственное экономическое пространство где товары, услуги, капитал и рабочая сила были включены в свободный оборот, был сформирован среди государств-членов. После заключения Договора о Таможенном союзе, который позволил провести интенсивную экономическую интеграцию между ними в 2010 г, Россия, Беларусь и Казахстан 29 мая 2014 г подписали договор о создании Евразийского экономического союза. Договор вступил в силу 1 января 2015 г.

Армении и Кыргызстана вступили в Евразийский экономический союз 9 октября 2014 года и 23 декабря 2014 года соответственно. Здесь важным моментом является тот факт, что страны, составляющие Евразийский экономический союз, делают четвертый институциональный шаг после Единого

экономического пространства, Таможенного союза и Евразийского экономического сообщества. ЕАЭС - это союз государств, действующий на основе принципов равенства, невмешательства во внутренние дела своих членов, уважения суверенитета и нерушимости национальных границ [3].

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), созданный 29 мая 2014 г. лидерами Беларуси, Казахстана и России. ЕАЭС, имеет единый рынок на 176 миллионов человек и валовой внутренний продукт (ВВП) более четырех триллионов долларов США. С точки зрения теории взаимозависимости этот торговый блок, сформированный под руководством Москвы, ставит вопрос о возможном более тесной экономической кооперации между бывшими республиками Советского Союза.

Похоже, что Россия смотрит на это не только с экономической точки зрения, но и как способ расширения российского влияния в регионе. Самой большой критикой союза, кажется, является восстановление распавшегося Советского Союза. Канцлер Германии Ангела Меркель оказала поддержку в создании общего экономического пространства в Евразийском регионе, включая страны-участницы Восточного партнерства (политика ЕС по сближению с Арменией, Азербайджаном, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной).

Еще один момент, ЕС активно стремится увеличить торговлю с Восточной Азией. Он начал переговоры об официальном торговом сотрудничестве с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Поэтому можно сказать, что ЕАЭС включает в себя стратегические интересы, а также экономические интересы для своих членов, особенно для России. Чтобы связать Европу и Восточную Азию, Россия стремится развивать свои восточные регионы, чтобы расширить свой доступ к азиатским рынкам. Рынки Дальнего Востока стали настолько важными для России, так как Европейский Союз и Соединенные Штаты ввели санкции против России после кризиса в Украине.

Евразийский союз имеет важное значение с точки зрения геополитики, когда между США, Россией и Китаем возникла острая глобальная конкуренция, а на Украине произошел кризис, а западные санкции были направлены на экономическую и политическую изоляцию России. Его создание изменяет расстановку сил между великими государствами и помогает России обеспечить экономическую безопасность взяв под свой контроль региональные зоны влияния, вернувшись к мировой политике как к великой державе

Это также позволит странам-членам быть эффективными, прежде всего, в энергетическом секторе (природный газ и нефть) и в глобальной экономике. ЕАЭС стремится стать одним из важных центров экономического потенциала, который функционирует как мост между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом, и предоставляет странам-членам союза равные партнерские возможности в переговорах с другими региональными учреждениями, такими как ЕС, Североамериканское соглашение о свободной торговле

(НАФТА), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) [7].

Государства-члены ЕАЭС пытаются сказать свое слово в глобальном управлении, представляя новые учреждения в рамках глобальной системы восточного мира под руководством Китая и России в качестве альтернативы западному миру под руководством США.

Значение Союза для государств-членов

Евразийский экономический союз - международная организация региональной экономической интеграции, в которую входят Казахстан, Россия, Беларусь, Армения и Кыргызстан. Он обладает международной правосубъектностью и хотя это союз, основанный на примере договора ЕС, политическая интеграция не входит в его задачи. Он станет реальностью на основе Таможенного союза и единой экономической сферы. Договор о создании союза был подготовлен в соответствии с правилами Всемирной торговой организации. В соответствии с Союзным договором, свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы обеспечивается для проведения скоординированной энергетической политики и формирования общих энергетических рынков (электроэнергия, газ, нефть и нефтепродукты) на основе общих принципов. Они запланировали формирование единого рынка электроэнергии, который планируется завершить к 2019 г., и единого рынка углеводородов к 2025 г. Стороны договорились о поэтапной либерализации транспортных перевозок на территории Союза, в первую очередь это касается автомобильного и железнодорожного транспорта. Достигнута договоренность о формировании и реализации скоординированной сельскохозяйственной политики.

После распада Союза Советских Социалистических Республик (СССР) бывшие советские страны в составе Союза не могли обеспечить полную стабильность в экономическом плане. Причиной послужило то, что советская экономика была основана на самостоятельности и региональной специализации. Эти страны были производителями и поставщиками сырья, и их промышленные и сервисные сектора не могли быть полностью развиты. Поскольку коммерческие объемы сократились после обретения независимости, темпы роста сильно сократились и замедлились. Страны достигли региональной интеграции, таких как Содружество Независимых Государств и Центральное-Азиатское Сотрудничество, потому что они не смогли бы самостоятельно поддерживать свою экономическую независимость.

В Евразийском экономическом союзе к странам, которые зависят от России, относятся Беларусь, Кыргызстан и Армения. Беларусь является важнейшим стратегическим партнером России в области безопасности, энергетики, экономики и культуры. Поскольку Кыргызстан является страной, которая не имеет энергоресурсов, а имеет достаточно слабую экономику, то полагается на иностранную помощь и чувствует себя изолированной на международном уровне, а членство в этом

союзе считается важным. Российская компания «Газпром» приобрела государственную компанию в Кыргызстане в обмен на материализацию инвестиций в энергетическую инфраструктуру страны. Армения - это страна, у которой нет другого выбора, кроме России, в отношении безопасности, экономики и внутренней политики. Организация Договора о коллективной безопасности, в которую не входит Азербайджан, имеет большое значение в связи с проблемой Нагорного Карабаха. Российская военная база в Гюмри, армяно-российская ассоциированная компания, которая управляет торговлей природным газом «Газпрома» и Армении, 80% - доля в «АрмРосгазпром» и приток поступлений, отправляемых из России в Армению, просто обеспечивают стабильность режима. Казахстан - это страна, которая может успешно развивать стабильные отношения как с Россией, так и с Западом. Обладая богатыми энергоресурсами он стал величайшей экономической силой Центральной Азии, завершая все юридические мероприятия, необходимые для рыночной экономики. Казахстан стала незаменимой страной для России благодаря своему политическому потенциалу. Он играет ключевую роль между Европейским союзом и Россией. Казахстан является одной из стран, куда рабочие из Центральной Азии приезжают на работу.

Новый баланс сил в рамках глобальной конкуренции

Сегодня судьба мировой экономики определяется показателями США, Китая, Европы и стран с развивающейся рыночной экономикой. Новый период преобразований начался с трансформации экономического потенциала, и его центр имеет тенденцию перемещаться с запада на восток.

Страны БРИКС препятствуют экстремальному снижению среднего темпа роста мировой экономики и определяются как развивающиеся державы, которые хотят ликвидировать дискриминацию «Запад-Восток», которая была установлена Западом в соответствии с идеологическими и культурными требованиями нового капиталистического мирового порядка на основе господства Запада.

Имея более четкое представление о вкладе финансовой структуры, отражающей доминирование Запада, МВФ Всемирный банк вынуждает их изменить ситуацию, оставив доллар и совершая операции с собственными валютами в инвестициях Нового банка развития БРИКС, которая является альтернативой вышеуказанным учреждениям.

Таким образом, в условиях международной экономической и политической обстановки, переживающей серьезную рецессию после финансового кризиса 2008 г, решения о создании нового банка и единой валюты, принятые на 7-м саммите БРИКС, который состоялся 9-10 июня 2015 г. в Уфе, имеют историческое значение в отношении мировой экономики. Китай, Россия и Бразилия, которые испытали неудачные результаты американской экономической модели развития и разрушения внутри страны, представляют альтернативную модель развития остальным странам мира и создают силу притяжения, продолжая мнение лидера Индии Дж.

Неру, который призывал к «альтернативному новому порядку» в 1970-х гг.

Сегодня новые альтернативные центры силы России и Китая выступают против экономического и политического господства мира со стороны одного государства. БРИКС и ШОС представляют собой альтернативу G8 для России, которая исключена из G8 из-за санкций. Китай стремится создать новый порядок, который больше подходит для его собственных выгод, а не стабильности в международных экономических отношениях (Хит, 2015). КНР строит дипломатическую, коммерческую и культурную сеть с новым проектом «Шелковый путь», целью которого является создание межконтинентальной экономической финансовой сети и интернационализации китайских денег (рассмотрение МВФ китайских денег в качестве резервных денег) путем инвестирования в инфраструктуры, такие как железная дорога, порт, аэропорт, плотина, нефте- и газопроводы.

Американский эксперт Маккой заявил, что Китай покорил господство США в морях по суше благодаря созданию скоростных железных дорог, нефте- и газопроводов в партнерстве с Россией в Евразии в области энергетики и использования Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, где он имеет наибольшую долю в этих проектах [5].

Принимая во внимание, что многополярный международный порядок, который Россия решительно защищает, обеспечил равенство между государствами, Роберт Каплан утверждает, что отношения между ними не приносят стабильность, а анархию и что государственный порядок, дисциплинированный властью государства, принес мир и стабильность, несмотря на все негативы [4]. Это подтверждает тезис ряд американских экспертов о том, что центр капитализма должен оставаться в либеральном государстве, и что США должны вновь обладать властью и силой вместо перехода гегемонии от США к Китаю.

Основной характеристикой гегемонистских переходных периодов являются усилия, предпринимаемые государством, которое удерживает контрольные механизмы системы для создания новых альянсов с целью сохранения своей нынешней сильной позиции. США пытаются реализовать на практике обширные соглашения о свободной торговле и инвестициях, в своих интересах. Соглашение о трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП) с ЕС, которое считается «Экономическим НАТО», ведет переговоры о транстихоокеанском партнерстве (Австралия, Бруней, Малайзия, Мексика, Япония, Канада, Перу, Сингапур, Чили, Вьетнам и Новая Зеландия), включая 12 стран и исключая Китай [8]. Хотя администрация Д.Трампа приостановила активные переговоры по этим вопросам, но если оба соглашения вступят в силу, то 63% мирового экономического дохода будет объединено на одном рынке.

Предполагается, что тем самым США планируют навязать правила политической модели мировой экономики, ориентированной на Запад, взяв Ев-

ропу и Японии под названием «Трансатлантический ренессанс» (Nuland, 2013). Между тем, это также рассматривается как усиление конкурентной мощи либерального капиталистического блока против стран БРИКС, которые предпочитают государственно-капиталистическую модель, где государство играет сильную и определяющую роль в экономике.

Китай, имеющий наибольший объем торговли в международном рейтинге для многих стран, продолжает рассматриваться как более важный торговый партнер, чем США. Азиатские страны внедрили проект Регионального комплексного экономического партнерства (RCEP), который включает в себя Китай на практике, сосредоточив внимание на многосторонних экономических отношениях в ответ на усилия США, пытающиеся изолировать Китай с помощью Транстихоокеанского партнерства в азиатском регионе.

В Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) входят Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия, а также десять стран-членов. Кроме того, они укрепили свои отношения в региональных формированиях, в которые они входят, таких как проект «Новый шелковый путь» Китая. Считается, что финансовое могущество США, удовлетворяющее потребности в инвестициях в инфраструктуру азиатских стран, закончилось Азиатским банком инфраструктурных инвестиций, который составляет наибольшую долю Китая. За исключением МВФ и Всемирного банка, Китай создал финансовую сеть с фондом в три триллиона долларов США, которую он может использовать по своему желанию.

С другой стороны, Англия, Франция, Германия, Италия, Япония, Австралия, Новая Зеландия и Южная Корея присоединились к Азиатскому инвестиционному банку инфраструктуры в качестве членов-учредителей, который является финансовое структурирование, сформированное по инициативе Китая, рассматривается как самая большая угроза со стороны США для его гегемонии (Hong, 2015).

В то время как США оказывают давление на Россию из-за снижения цен на нефть, Китай, который импортирует большую часть своей энергии, от этого выигрывает. В то время как ось Россия-Китай представляет собой важный баланс, они предоставляют альтернативу Всемирному банку и способности МВФ влиять на развивающиеся страны. На данный момент, возможность основания сотрудничества между ЕС и Евразийским экономическим союзом имеет решающее значение. Таким образом, можно сказать, что действительно происходит смещение центра мировой экономики с запада на восток.

Мировой финансовый кризис, который начался в 2008 году, побудил страны всего мира искать новые пути минимизации экономических рисков и достижения устойчивого развития. Это оказалось основным фактором активизации региональных интеграционных процессов. Распад СССР стал отправной точкой для множества проектов, направленных на создание новых рамок сотрудничества

между республиками бывшего Советского Союза, которые стали независимыми государствами. Последние 20 лет стали свидетелями значительного количества инициатив в регионе. Различные попытки воссоединения бывшего Советского Союза могут быть также вызваны желанием восстановить его прежнюю силу и зону влияния - начиная с создания СНГ, затем различных таможенных союзов и договоров и, наконец, Евразийского экономического сообщества. Евразийский союз формирует фундамент для объединения постсоветского пространства с точки зрения экономической и внешней политики. Хотя все члены союза имеют равный статус, Россия пытается повысить геополитическую роль ЕАЭС.

Создание общих рынков нефти, газа и электроэнергии является одним из факторов приводящих к тому, что союз приобретает все большее значение. Но различия во мнениях между государствами-членами, как и в СНГ, вызывают дискуссии и споры. Торговые споры о качестве сельскохозяйственной продукции и усилия по защите своих национальных рынков, снижению цен на нефть и санкциям против российской экономики оказали негативное влияние на развитие ЕАЭС [1].

Члены союза, где доходы, полученные от экспорта энергии, являются основными ведущими элементами их экономики и которые отстают в области технологических инноваций и модернизации, должны предпринять важные шаги с точки зрения структурных и институциональных преобразований.

Для членов ЕАЭС, которые не являются полностью устойчивыми в экономическом отношении, нет никаких других региональных образований, заставляющих себя развивать особую экономическую идентичность в мировой экономической системе. ШОС и проект «Новый шелковый путь», возглавляемый Китаем, или проект «Восточное партнерство», начатый США в 2009 г., являются дополнительными регрессивными альтернативами для членов ЕАЭС, которые хотят сохранить свой суверенитет [2].

Как отметил Дмитрий Тренин в книге «Конец Евразии (2002)», они превратятся в «исчезающую реальность». Пока Россия, имеющая эффективную позицию в БРИКС, подписывает новые экономические соглашения, она также стремится использовать эти возможности внутри ЕАЭС [6]. Между тем Бжезинский указывал, что доминирование в этом геополитическом регионе только одной державой (Китаем) путем установления необходимых финансовых и экономических связей станет нежелательной ситуацией для США в борьбе за гегемонию. Союз, контролируемый Россией, также выступает в качестве баланса в отношении мощи Китая в регионе.

С другой стороны, Россия представляет угрозу разрушению стабильности наряду с обеспечением безопасности. Когда безопасность российских этнических групп попадает под угрозу, как на примере на Украине, решение о военном вмешатель-

стве становится сложным вопросом также для Казахстана и Беларуси, которые имеют эти русско-этнические группы на своей территории (российское население, проживающее в Северном Казахстане, составляет 23%). Когда в этих странах к власти приходят западно-ориентированные режимы, такая вероятность представляется всегда возможной. Это можно рассматривать как самую большую причину, которая может осложнить существование ЕАЭС. Однако Россия склонна рисковать этим интеграционным проектом, который служит мостом между Азиатско-Тихоокеанским регионом и Европой и является новым центром экономической мощи как альтернативы Западу в его видении внешней политики, который способствует устанавлению многополярной международной системы.

Формирования экономической зоны, которая появляется в «ближнем зарубежье», республиках бывшего Советского Союза в качестве основной зоны имеет большое значение для установления баланса сил против гегемонии США. В этом смысле США не являются доминирующей силой в различных регионах мира, а Россия и Китай расширяют свою зону влияния.

Поэтому ЕАЭС следует рассматривать с геополитической и геоэкономической точек зрения, а также роли Западного блока под руководством США, где Китая и России выступают как «ревизионистские державы» в рамках нового экономического порядка, который они хотят сформировать..

Россия ожидает, что Узбекистан, Туркменистан и даже Монголия присоединятся в качестве новых членов для дальнейшего расширения. Соглашения о свободной торговле, которые планируется заключить с более чем 40 странами, геополитически расширят сферу влияния ЕАЭС. Эти соглашения о свободной торговле позволят ему конкурировать с Трансатлантическим торгово-инвестиционным партнерством и Транстихоокеанским партнерством, если они состоятся.

Список литературы

1. Boguslavskaya K The First Steps of the Eurasian Economic Union: Disputes, Initiatives and Results // *Russian Analytical Digest 2015-* 170: 9–12.
2. Ефременко Д.В., Подберезкина О.А., Шаронова В.Г. Плоды сопряжения. Шансы и риски гармонизации «Шелкового пути» и евразийской интеграции // *Международные процессы*. Т. 16. 2018, № 1. с. 160-176
3. Договор о Евразийском экономическом союзе. 29.05.14 URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/DisplayDocument.aspx?s=bef9c798-3978-42f3-9ef2-d0fb3d53b75f&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64-1995328e6ef3&l=540294ae-c3c9-4511-9bf8-aaf5d6e0d169&EntityID=3610>
4. Kaplan R.. The World is Marching Toward Anarchy. Real Clear World. Retrieved – 2013 - April 18, 2013 – URL: https://www.realclearworld.com/articles/2013/04/18/the_world_is_marching_toward_anarchy_105085.html
5. Mccoy, A. The Geopolitics of American global decline, Washington Versus China in the twenty first Century. Tomdispatch. Retrieved June 7, 2015 – URL: http://www.tomdispatch.com/post/176007/tomgram%3A_alfred_mccoy,_washington's_great_game_and_why_it's_failing/
6. Trenin D. The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization. Moscow: Carnegie Moscow Center - 2002 – 354 P.
6. Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее которое рождается сегодня // *Известия* 03.10.2011. URL: <https://echo.msk.ru/blog/statya/817588-echo/>
8. Gray B.C. An Economic NATO: A New Alliance For a New Global Order. Atlantic Council. Issue Brief. 2013. – URL: <https://atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2013/02/tar130221economicnato.pdf>

SOCIAL SCIENCES

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL TOURISM CLUSTER OF EDUCATION AND POPULARIZATION OF THE INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE IN UKRAINE

Havryliuk A.

PhD in Public Administration, Docent, Docent the Department of Hotel and Restaurant and Tourism Business, Kyiv National University of Culture and Arts, Kyiv, Ukraine

ORCID:0000-0003-2743-0409

Abstract

The article presents the methodology for the development and operation of a scientific-educational tourist cluster “Intangible Cultural Heritage as a Tourist Resource”, implemented as a pilot project based on the Kiev National University of Culture and Arts and the Kiev University of Culture with the involvement of a wide range of participants outside education public-private and social partnership.

Keywords: intangible cultural heritage, scientific and educational tourism cluster, Kyiv National University of Culture and Arts, Kyiv University of Culture, tourism, state policy.

Active processes of conscious awakening of signs of national and local identities, revival of authentic ethnic traditions, patriotic feelings etc. with the involvement of some individuals, communities and the state as a whole become active today in Ukraine.

The sphere of intangible cultural heritage is one of the leading among areas that deeply shape and assert national values. In accordance with the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage (hereinafter referred to as the Convention), it is manifested in the following forms: oral traditions and forms of expression, in particular in the language as medium of the intangible cultural heritage; performing arts; customs, ceremonies, celebrations; knowledge and practice relating to nature and the universe; traditional crafts [3].

At the same time, there is a growing demand for the inclusion of other social spheres in the processes of forming the levers of influence on the education and training of the citizens of country on the resources of national and world achievements of the intangible cultural heritage. The tourism sector is advantageous in this context among as it is able to attract to the tourism practices the age-diverse categories of consumers of the tourism service formed on the intangible cultural heritage resources.

Therefore, studies on finding common motivational factors for tourism and intangible cultural heritage on the basis of innovative forms of their interaction, which combine the efforts of various professional communities and possibilities for their mass and individual recognition, use, enlightenment and popularization without compromising authentic samples of their local distribution are relevant at the present stage.

Taking into account the common interest in the intangible cultural heritage development at the level of communities, tourist destinations, educational institutions and other educational establishments, public associations and tourism enterprises, local, regional and national governing bodies, cluster formations are relevant for Ukraine. They are currently one of the most highly sought and effective forms of cooperation between government, business, community, institutions and other members of social relations, accumulating their

knowledge and experience around a single coordination centre.

Such practice has also led to a keen research interest in the problems of creation, operation and development of tourism clusters, which are actively researched in Ukraine and abroad and confirm the involvement of our state in the processes of “cluster revolution” [5].

Now we can talk about the formation of independent scientific directions that research the role of tourism clusters in handling important issues of social and economic development of regions; application of modern forms of cooperation in various social spheres with an effective system of management, cooperation, idea generation and more.

The basic theory of clustering is based on theoretical researches of a considerable number of domestic and foreign scientists, who have approached the interpretation of the theoretical and practical components of the cluster quite fundamentally: from the standpoint of economic science (O. Varianychenko, E. Lymer, A. Marshall, D. Porter, V. Podvysotskyi, S. Sokolenko, L. Fedulova et. al.), in particular, tourist clusters (D. Basiuk, M. Bihus, M. Boiko, M. Bosovska, H. Mikhailichenko, T. Tkachenko, K. Shylkina, et. al.); features of their creation, formation and development as geospatial unit (M. Malska, O. Liubitseva, A. Parfinenko, I. Smirnov, et. al.); in different public spheres with an effective management system, cooperation, idea generation, etc. from the standpoint of “Public administration” discipline (I. Dehtiarova, M. Bil, N. Volkova, O. Krainyk, V. Mamonova, N. Sviridova, et. al.); as innovative educational and research centres (V. Volha, O. Kuklin, M. Plutova, H. Piatnytska, M. Khmara, Ye. Chernyshova, et. al.).

However, the expediency of further research is conditioned by the need to develop tools for creating cluster models based on higher education institutions as centres of training specialists able to enlighten and promote intangible cultural heritage as a tourism resource. *This is precisely the purpose of the present article.*

The first active attempts to implement legal regulation of clustering processes in Ukraine were partially laid down in the draft regulation of the Cabinet of Min-

isters of Ukraine “On Approval of the Concept of Creating Clusters in Ukraine”. However, this question remains open till the present day.

Articles 120 and 127 of the Commercial Code of Ukraine stipulate the possibility of establishing various legal forms of enterprises association, which include: associations, corporations, consortia, concerns, other associations provided by law. Their organizational and functional purpose is similar to a cluster, and therefore can be a separate form of association of business structures [2].

In the context of our study, the main provisions of the Law of Ukraine No. 5067-VI “On Employment of Population” dated July 05, 2012, which define the implementation of state employment policy through the development of clusters of folk artistic crafts are very important [4].

The cluster is a focus for the provision of services, including tourism, so it is formed by the typical entities that develop and promote tourism services.

From the standpoint of scientific approach of K. Shylkina, local tourism resources create the basis for cluster formation and provide tourism services. They can create the space of a “*tourism attractor*”, which can be presented by any object, subject, territory or event, attractive to the potential visitor so that he/she is ready to travel to see it, as well as spend money and use tourism and related services as a *cluster visitor* [8, p. 5-6].

Extrapolating this approach into the sphere of intangible cultural heritage and tourism, it can be noted that the corresponding “*tourism attractors*” in Ukraine are composed by the territories of active presence of an element of intangible cultural heritage, which according to the Convention are the areas where the traditions of active distribution, preservation, transfer, etc. are preserved. Accordingly, cluster visitors are persons who visit sites where the intangible cultural heritage element is present as tourists.

There are current elements in Ukraine that are added to the lists of intangible cultural heritage of mankind; a National List of Elements of Intangible Cultural Heritage was created, as well as local lists that testify to the diverse resources of such heritage [6]. Generally, it intensifies tourism activities to the places of their concentration and requires appropriate state policies embodied in the strategy of social and economic development of regions and territories.

Clustering helps to improve the indicators of various management systems, education system in particular. The activities of educational clusters are directed towards the performance of the basic social functions necessary for providing a sufficient level of special knowledge, which will then be used in various sectors and spheres of economy.

A priority component of the activity of scientific and educational cluster is to improve the technology of providing knowledge, conduct professional researches and their clear practical focus on the professional environment.

The theoretical substantiation of peculiarities of the use of cluster approach by educational institutions in the field of knowledge “Public administration” is

poorly researched, although some scientific discourses are conducted. We consider that scientific and educational cluster can be interpreted as a set of interrelated and complementary institutions, enterprises, state structures, members of society, which form the organizational and institutional field of the cluster structure and the actions of which are aimed at providing high quality of scientific and educational services and formation of competitive professionals in this area.

At the same time, consolidation of efforts and resource potential, delegation of management functions to the coordination centre, integration and synergy of work are important conditions for the cluster functioning.

Methodology of developing the Scientific and Educational Tourism Cluster “Intangible Cultural Heritage as a Tourism Resource”, which has been successfully implemented as a pilot project during the last three years on the basis of Kyiv National University of Culture and Arts and the Kyiv University of Culture with the involvement of a wide range of participants will be presented in the article.

Any cluster formation is compound of the core and the base. In the present case, the core of scientific and educational innovation tourism cluster is the joint activity, initiative actions and internal organizational cooperation between the faculties of the hotel, restaurant and tourism business in both educational institutions, which forms the competences of competitive specialists who will be able to provide quality tourism services for popularization of national and world intangible cultural heritage. It is these educational institutions that play the leading role of coordination centre, providing resource and organizational support between all the cluster subjects, which are closely linked.

The coordinating centre of the Scientific and Educational Tourism Cluster “Intangible Cultural Heritage as a Tourism Resource” includes representatives of the UNESCO Facilitator Network from Ukraine; heads of regional and district structural subdivisions of local state administrations providing development of tourism and culture, in particular intangible cultural heritage at local levels; representatives of local self-government bodies; tourism business; scientists; students; non-governmental organizations and associations representing the interests of craftsmen and all potential participants directly interested in the preservation of intangible cultural heritage in Ukraine.

In addition, the coordinating centre conducts various communicative motivational activities that stimulate the work of members of the structure with particular frequency. The annual international scientific and practical conference-festival “Intangible cultural heritage as a modern tourism resource: experience, practices, innovations” is one of the most important [7]. The basis of the cluster interaction between the participants is formed by relations on the principles of social partnership.

Based on the scientific research of K. Shylkina [8], which distinguishes four models of cluster formations used in tourism sphere and, accordingly, in the field of tourism educational services, *satellite model of cluster formation*, which has a unique modelling of the process

of providing services around the leading enterprises in the tourism sphere education entities - Kyiv National University of Culture and Arts and Kyiv University of Culture, is considered the most appropriate.

Against this background, cluster functioning is ensured through the implementation of the five "I" principles: *initiative* of a stakeholder; *innovation* of views on cluster development; *informativity* as a method of information disseminating about the cluster's activities and prospects for its development; *integrity* as the use of new forms of cooperation within the system; *interest* of each cluster member in joint activities [1].

The ability to use the resources needed to promote the intangible cultural heritage through tourism is an important condition for the functioning of scientific and educational cluster. This task is not easy, as it involves the support of numerous initiatives, innovations and interest among the stakeholders in the cluster's activities and uses local opportunities of the element's territory of presence, solely for the benefit of community, which is the main beneficiary of such heritage.

Cluster formation attributes include: the goals that form the basis of the cluster; tools for cooperation between members of cluster relations, who represent the nucleus and foundation that are able to generate ideas and can contribute to the formation of knowledge, competences and skills necessary for the promotion of intangible cultural heritage through tourism.

The cluster development is based on the quantitative and qualitative composition of the cluster members regarding the ability to identify the tourism attractiveness of the world and national resources of the intangible cultural heritage and to use its potential for tourism promotion of the territory, where the element present is based on innovation, informativeness, creativity, social, public and private partnership.

To sum up, it should be emphasized that the use of cluster approach in the sphere of national higher education system:

- promotes the activity of the Scientific and Educational Tourism Cluster "Intangible Cultural Heritage as a Tourism Resource" at Kyiv National University of Culture and Arts and Kyiv University of Culture and is a testimony to the improvement of technology of providing knowledge to future tourism experts with the speciality 242 "Tourism" of educational degrees Bachelor, Master, Doctor of Philosophy within the framework of traditional and innovative practices of formation of professional competences;

- creates conditions for the use of innovative practices for the dissemination of knowledge about the intangible cultural heritage within the framework of: study of the subject "Attractive resources of the intangible cultural heritage of UNESCO"; conducting field studies within the regions where the elements of the intangible cultural heritage are present and identifying the "living tradition" of their spreading; carrying out scientific research during the performance of professional qualification works;

- ensures the use of foundations of public, private and social partnership between educational institutions, initiators of the cluster creation and structural subdivisions of local authorities (state and local self-government bodies), representatives of tourism business and public as members of the cluster;

- expands opportunities for involvement of representatives of both individual carriers of the "living tradition" and of collective communities within the framework of realization of goals and tasks of the cluster within the project scientific activity;

- develops the competencies of a competitive specialist in tourism education and popularization of intangible cultural heritage; the ability to use the complex of knowledge, skills and competences necessary to convey and promote such heritage in the implementation of main provisions of the Convention;

- deepens the patriotic competence of students involved in the educational process of Kyiv National University of Culture and Arts and Kyiv University of Culture and cluster activities.

The main provisions of the results presented in the article were obtained within the framework of implementation of resourceful scientific research works, implemented at Kyiv National University of Culture and Arts in cooperation with Kyiv University of Culture - "Research of Transformation Processes in International Tourism in the Context of Globalization" (state registration number 0117U006176, 2017-2019) and Kyiv University of Culture along with Kyiv National University of Culture and Arts - "Research Tourism Resource of UNESCO Intangible Cultural Heritage" (state registration number 0117U001957, 2017-2020) and "Preserving Cultural Identity of tourism destinations in the Context of Globalization" (state registration number 0117U001956, 2017-2020), which may serve as a basis for further scientific studies of clustering theory in higher educational institutions of Ukraine.

References

1. Vojnarenko, M. (2008), "Clusters as poles for regional competitiveness growth", *Ekonomist*, vol. 10, pp. 27-30.
2. Economic Code of Ukraine (2003) available at: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/436-15> (Accessed 20 November 2019).
3. The concept of protection of the intangible cultural heritage (2019) available at: https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/995_d69 (Accessed 20 November 2019).
4. The Verkhovna Rada of Ukraine (2012), The Law of Ukraine "One employment of the population" available at: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/5067-17> (Accessed 20 November 2019).
5. Tersina, O. (2016), "ClusterRevolutioninUkraine", *Legalnewspaper*. vol. 40 (538). URL: <http://yur-gazeta.com/publications/practice/civilne-pravo/klasterna-revoluciya-v-ukrayini.html>.
6. Ukrainian Center for Cultural Research, (2019) available at: <http://uccs.org.ua/> (Accessed 20 November 2019).
7. Faculty of Hotel-Restaurant and Tourist Business of Kyiv National University of Culture and Arts. (2019) available at: <http://fgritb.knukim.edu.ua>.
8. Shylkina, K. O. (2015), "Management of tourism business enterprises on the principles of clustering", PhD. Thesis, economy and enterprise management (by type of economic activity), Kherson National Technical University, Kherson Ukraine.

No 41 (2019)

P.5
The scientific heritage

(Budapest, Hungary)

The journal is registered and published in Hungary.

The journal publishes scientific studies, reports and reports about achievements in different scientific fields. Journal is published in English, Hungarian, Polish, Russian, Ukrainian, German and French.

Articles are accepted each month. Frequency: 12 issues per year.

Format - A4

ISSN 9215 — 0365

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal

Edition of journal does not carry responsibility for the materials published in a journal. Sending the article to the editorial the author confirms it's uniqueness and takes full responsibility for possible consequences for breaking copyright laws

Chief editor: Biro Krisztian
Managing editor: Khavash Bernat

- Gridchina Olga - Ph.D., Head of the Department of Industrial Management and Logistics (Moscow, Russian Federation)
- Singula Aleksandra - Professor, Department of Organization and Management at the University of Zagreb (Zagreb, Croatia)
- Bogdanov Dmitrij - Ph.D., candidate of pedagogical sciences, managing the laboratory (Kiev, Ukraine)
- Chukurov Valeriy - Doctor of Biological Sciences, Head of the Department of Biochemistry of the Faculty of Physics, Mathematics and Natural Sciences (Minsk, Republic of Belarus)
- Torok Dezso - Doctor of Chemistry, professor, Head of the Department of Organic Chemistry (Budapest, Hungary)
- Filipiak Pawel - doctor of political sciences, pro-rector on a management by a property complex and to the public relations (Gdansk, Poland)
- Flater Karl - Doctor of legal sciences, managing the department of theory and history of the state and legal (Koln, Germany)
- Yakushev Vasilij - Candidate of engineering sciences, associate professor of department of higher mathematics (Moscow, Russian Federation)
- Bence Orban - Doctor of sociological sciences, professor of department of philosophy of religion and religious studies (Miskolc, Hungary)
- Feld Ella - Doctor of historical sciences, managing the department of historical informatics, scientific leader of Center of economic history historical faculty (Dresden, Germany)
- Owczarek Zbigniew - Doctor of philological sciences (Warsaw, Poland)
- Shashkov Oleg - Candidate of economic sciences, associate professor of department (St. Petersburg, Russian Federation)

«The scientific heritage»

Editorial board address: Budapest, Kossuth Lajos utca 84,1204

E-mail: public@tsh-journal.com

Web: www.tsh-journal.com